

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №1-2 (1-2), июнь-июль 2011 г. <http://provintelligent.ru>

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Литературное объединение "Анахну" – Хайфа

Презентация

25 мая в Хайфе в помещении Бейт-Оле (Дом репатрианта) состоялась презентация газеты «Провинциальный интеллигент 1» и её составной части газеты «Интеллигент» г. Санкт-Петербурга. О презентации было сообщено заранее, и в Хайфу в гости к членам литературного объединения «Анахну» приехали литераторы из других городов севера Израиля. Вечер открыл руководитель ЛИТО Хайфы Марк Тверской. Рассказав о целях и задачах нового издания, докладчик подчеркнул особую важность этих газет для израильских авторов, пишущих порусски – это даёт им возможность «вернуться в Россию стихами». «Все мы, сидящие сегодня в этом зале, - сказал далее Марк Тверской, - по воле судьбы живём в Израиле, но при всём при том остаёмся носителями великой русской культуры. И никакие государственные границы, никакие декреты, никакие антисемиты не отнимут у нас наше главное интеллектуальное богатство – русский язык».

С чтением своих стихов, опубликованных в «ПИ 1», выступили Евгения Босина, Марина Симкина, Семён Гендель, Ирина Явчуновская. С успехом были исполнены песни израильских композиторов Елены Сухенькой и Марка Зельдича на слова Ирины Явчуновской и Марины Симкиной. Все присутствующие высказали благодарность учредителям и редакторам газеты «Провинциальный интеллигент 1» за сотрудничество и выразили надежду, что это сотрудничество будет иметь продолжение.

Мария ФЕРДМАН

Эдуард Фишер

Музыка жизни

Ну их к шуту –
Грусти и печали.
Не сотрут их никакие руки.
Белые и чёрные рояли
Выдают одни и те же звуки.

Только кто-то ими вынет душу.
Кто-то заведет её в потёмки.
В жизни есть пророки и кликуши,
Выбор чаще делают потомки...

Всё понять нам не дано вовеки.
Радость и печаль – одно ветрило...
Жизнь, как теплоходные отсеки –
Главное, чтоб их не затопило.

В жизни встречи есть!
И есть – разлуки.
Песни о веселье и печали...
Но выводят сладостные звуки
Белые и чёрные рояли...

Абрам Эленбоген

ОДЕРЖИМЫЙ

Давно все вышли из пустыни –
Гнетёт жара, удобств в ней нет –
А я блуждаю и поныне,
Никем не признанный поэт.

Из горсти в горсть пересыпаю
Слова сыпучие – песок,
И с горькой болью ощущаю:
Мне не создать бессмертных строк.

Но одержимым нет закона.
И вновь в надежде и тоске
Я выжигаю иступлённо
Свои творенья на песке.

Евгения Босина

Мой дом – моё пристанище, очаг,
Мой круг, давно замкнувшийся, и сцена.
Но я беру перо своё - вот так –
И потихоньку раздвигаю стены.

И тут не стоит силу прилагать,
Просить других, на помощь звать кого-то:
Пером обычным стены раздвигать –
Негромкая, но важная работа.

А за стеною – ветер молодой,
И радуги забытое сиянье.
За той горою, за печалью той –
Такой простор - хватило бы дыхания!

Ну, что ж, судьба, испытывай, сгибай!
Но запах трав, и медленные реки,
И это небо в строчках птичьих стай
Отнять нельзя. Они во мне навеки.

И ни о чём не нужно сожалеть,
И можно бед грядущих не бояться,
Покуда будет пёрышко скрипеть,
Покуда стены могут раздвигаться.

Ирина Явчуновская

Упади, звезда-недотрога!
Как негаснущий огонек,
Освети, освети дорогу
Развязать помощи клубок.

Мой клубок, он меня измучил.
Как сплести воедино в нем
Тень угрюмую, свет летучий,
Тусклый день с ошалелым днём?

В зеркалах водоёмов вижу
Мне очерченный путь земной,
Но туман опустился ниже,
У тропы моей встал стеной.

Я тайком собираю, сумею
Из осколков минувших дней
Дни грядущие. Но не смею
Подобраться к тропе своей

И шагать по ней без оглядки...
И окончить с собою спор.
Подмигни мне, звезда, украдкой,
Погляди на меня в упор...

Юрий Лейдерман

Я не хочу, чтоб ты старела,
В плену у плеча жгла свечу.
Ещё не всё перегорело,
Ещё я на тебя ворчу.

А ты, как в юности, наивна,
А я придумывать устал,
Что не раскрыто пианино,
И Моцарт в нотах заплутал.

Пойдем в таверну к Амадею.
Вино любви – хмельной кураж –
Нам подадут, и, молодея,
Сыграешь ты "Турецкий марш".

И станут пялиться на пальцы
Над музыкальною волной
Австрийцы или итальянцы,
Не поделившие со мной

Твою восторженность. И, может,
Сюда вернёмся и не раз,
Услышим, как печальный Моцарт
Слагает реквием для нас.

Семён Гендель

Волшебная страна

Если дверь оказалась закрыта
На тяжёлом отрезке пути,
А ключи были мною забыты
Там, где их никогда не найти...

Вот тогда, по обломкам гранита,
По узорам цветных паутин,
Доберусь я до бухты, где скрыты
Паруса голубых бригантин.

А потом призову на подмогу
Силу ветра и натиск волны,
Подниму белый парус в дорогу,
К горизонту волшебной страны.

Где свинец из ствола пистолета,
Улетая в морозный январь,
Не убьёт молодого поэта,
А застынет, как жёлтый янтарь.

Где улыбка Джоконды Да Винчи
Не позволит толпе мусульман
Завершить фанатичный суд линча
И вернёт Грибоедова нам.

МОСКВА

Где счастливый Ромео Джульетту
В белом платье ведёт под венец,
Где навечно исчезла вендетта...
Но, всему ведь, приходит конец.

Так внезапно утих странный ветер,
Опустив паруса и волну...
Пару миль не доплыл на рассвете
Я в счастливую эту страну.

Мария Фердман

Как ароматно пенилось варенье!
Мне этот запах с детства мил и люб.
Я в творческом порыве вдохновенья
Забыла, что варю на кухне суп.
А в голове кружились рифмы, ритмы,
Стих потихоньку силу набирал,
Бурлили абрикосы аппетитно,
И суп уже на плитку выкипал...
Моё варенье пригорело к тазу,
Мои стихи никто не стал читать.
А муж меня не упрекнул ни разу,
Он съел свой суп и лёг спокойно спать.

Елена Текс

Благодарю тот миг,
Когда приходит слово.
Его звучанье, словно
В ночи внезапный крик
Какой-то дивной птицы...
И я спешу опять
Своим стихом объять
Всю жизнь одной страницей.

Владимир Маркин

Ух, цветочки, синь лепесточки –
Загорелый зеленый сад.
Вся деревня в пестрых платочках,
Будто вырядилась на парад.
Вон и речка бежит, просторечка –
Камышовые берега.
Обронил я в нее словечко,
И оно поплыло далечко,
А потом вернулось навечно
Каплей дождика на губах.

Марк Тверской

Четверостишия с моралью

Ворона в басне дедушки Крылова
На опыте познала этот мир:
Кто хочет получить свободу слова,
Тот в результате потеряет сыр.

* * *

Смотрю я и понять стараюсь,
За что судьбой обижен страус?
При этой мощи без усилия
Он мог бы стать орлом,
Но крылья...

* * *

Если в доме раздоры и трения
И страдает налаженный климат,
Не спешите высказывать мнение.
Оно ваше. Его не отнимут.

* * *

Не читал об этом в мудрой сказке я -
Видел на экскурсии в музее:
У Рембрандта на коленях Саския.
Повезло ему, что не на шее.

Татьяна

Ю. Топунов и представитель газеты «Интеллигент» Н. Крофтс

- Юрий Викторович, в 1989г. Вы с двумя друзьями создали ТОН «Ключ». Как правило, глупые вопросы – самые информативные, поэтому я рискну. Итак: «А зачем?». Ведь Вы сами успешно рисовали, писали стихи, фотографировали, играли на гитаре. Что заставило Вас создать творческое объединение?

- В данном случае вопрос вполне корректен. И действительно, зачем? Если бы этот вопрос мне был задан тогда, в далекие 80-е, я, наверное, и не смог бы на него более или менее внятно ответить. А вот глядя через призму более чем двадцатилетней толщины и вспоминая то время, могу сказать, что это казалось тогда единственной возможностью заявить не только о себе, но и о своих друзьях, которые были не менее талантливы, но не так социально самореализованы, а следовательно, не могли проложить свой путь к зрителю, слушателю, читателю. Вот тогда и родилась поговорка, ставшая чуть ли не основой философии ТОН «Ключ»: «поднялся сам, тяни за собой товарищей».

Юрий Топунов

Родился в 1948г., живёт в Херсоне. Поэт, прозаик, бард, художник, один из основателей ТОН «Ключ» и его бессменный куратор. Режиссёр большинства постановок объединения, автор сборников прозы, поэзии, поэтических переводов с немецкого. Главный редактор книг, изданных «ТОН Ключом». Проза Юрия Викторовича очень разнообразна: здесь и философские размышления, и пронзительная повесть о войне, и лирические монологи о Херсоне... А в этом номере мы знакомим читателя с весёлым рассказом из херсонской жизни, пропитанным говорком, словечками, ужимками – и духом этого южного города. И надеемся, вы воскликнете: «Не только Одесса богата своими Бабелями!»

Выродок

Мишка Карп был выродком. Во всяком случае, так его называла родная мама, тетя Рива. Да и как она могла говорить иначе, если в то время, как все соседские дети парились за пианино и скрипели перьями, делая уроки, Мишка гасал по улицам и занимался черт знает чем.

- Нет, Вовочка, вы посмотрите, - часто говорила тетя Рива, когда я чинно сидел на табуретке в кухне и ожидал, пока Мишка оденется, чтобы вместе отправиться на очередную авантюру, - все дети как дети, а мой прямо тебе выродок. Скажите мне пожалуйста: что, у вас в табеле не все пятерки!? Можете молчать, я видела ваш табель – там, таки да, одни пятерки. А вот в табель нашего Миши стыдно смотреть даже тем, у кого вообще не табель, а стадо гусей! Я бы еще поняла, если бы его папа был пьяницей, а мама и того хуже... - в это момент из комнаты выбегал Мишка и, стрельнув у мамы рубль на кино, вырывал меня из ее цепких словесных объятий.

- Ладно, мам, мы погребли, - баянил он срывающимся голосом.

- И когда же тебя, урка, ждять на ужин? – издевательски душевно спрашивала тетя Рива.

- Так я не поздно... - Мишка старался быть учтивым с матерью, - мы в киношку только и по хатам. Правда, Вовчик?

- Конечно, только в кино и по домам, нам же еще уроки делать...

- Вот видишь, - подхватывала тетя Рива, - мальчик об уроках думает! А за что ты думаешь?

Нет, ты мне скажи, если конечно хоть чуть любишь свою маму, - и в ее голосе начинали звучать слезливые нотки, а терпение Мишки обрывалось:

- Мама, ну кончай комедию ломать...

- Это кто комедию ломает, - взвивалась тетя Рива, - это я комедию ломаю?! Сёма, ты посмотри на этого выродка! Нет, ты оторвись от своей любимой газеты «Правда», выйди и посмотри, как твой сын с мамой разговаривает. Он же со мной разговаривает, как с девчонкой из соседнего класса!

Но когда наконец в дверном проеме показывался дядя Сёма, держа в одной руке очки, а во второй газету, мы с Мишкой уже сбежали по скрипучей деревянной лестнице, а вслед нам неслись ойканья соседки, тети Клары:

- Ну, нема от них покоя! Это же не дети, а уроды! Кто же так по лестнице бегают! По ней люди ходили сто лет и ничего, а эта босота развалит ее за полгода!

- Так вы нарожайте своих и потом их называйте уродами! – тут же отзывалась тетя Рива, и соседки начинали свою вечную перебранку.

А мы вырывались в старый двор, засаженный по периметру петуньями, а по углам старыми акациями, и через темную подворотню выбегали на Суворовскую, где и попадали в свой привычный мир - мир магазинов, ларьков и праздной толпы, вечно движущейся в ту и другую стороны.

Об этой улице сколько не говори, а все будет мало. Уже то, что ее называли Бродвеем, свидетельствует о многом – и глубоком почтении к ней, и о той огромной роли, которую улица играла в жизни города. Весь день по Суворовской двигались люди, кто шел в магазин за покупками, кто пытался встретить нужного ему человека, а кто просто, выбрав свободную минутку, высказывал прошивнуться хотя бы разок, чтобы подпитаться положительными эмоциями и поздороваться со знакомыми и друзьями. Если кто-то несколько дней не показывался на Бродвее, это означало, что он либо уехал, либо болен или, того хуже, совсем умер.

Вот туда, в этот поток людей мы с Мишкой и ввинчивались, как буравчики, а уже заняв свое место в потоке, шли, увлекаемые им, время от времени приветствуя, идущих навстречу одноклассников или просто знакомых по Суворовской. Следует сказать, что даже по истечении многих лет определение «знакомый по Суворовской», среди нашего с Мишкой поколения, сохранило свой первоначальный смысл и, встречаясь, мы по-прежнему приветствуем друг друга, порой даже не зная как кого зовут, а на вопрос спутницы, кто это, отвечаем: «Да это же старый знакомый по Суворовской!», - считая вопрос исчерпанным.

- Вовчик, ну на фиг ты вставил об уроках? – выговаривал мне Мишка.

- Так я же хотел как лучше, чтобы было убедительно...

Интервью с одним из основателей Творческого Объединения Независимых «Ключ» Юрием Викторовичем Топуновым

Но это о моей личной мотивации. А если говорить о том, что подвигло нас с Николаем Кошелоком и Олегом Ивченко на создание творческого объединения, то следует учесть время, в которое все начиналось – так называемая Перестройка. Если до этого нас внимательно «пасли», и все попытки популяризации своих идей в искусстве жестко пресекались, то в какой-то момент мы почувствовали, что власти уже не до нас, и тут же, воспользовавшись этим, начали активную деятельность – персональные выставки, культурологические акции, радиопередачи. Полные залы зрителей говорили о том, что люди изголодались по живому слову и яркому неформальному образу. Вокруг нас начали группироваться поэты, художники, музыканты и другие творческие люди, умеющие и имеющие что сказать. Вот тогда и появилась необходимость как-то назваться. После долгого поиска и споров родилось название Творческое объединение независимых «Ключ», которое живо и поныне, поскольку идея за 20 с лишним лет не устарела, а, наоборот, приобрела новые качества, и объединение переросло из чисто херсонского в международное.

- Что Вы считаете самым большим достижением «Ключа»?

- Самым большим достижением ТОН «Ключ» я считаю преодоление пропасти между поколениями отцов и детей, ведь когда движение только начиналось, мы начали задействовать в акциях наших детей, детей наших друзей и вообще всех молодых людей, которые к нам тянулись. За время существования объединения через наши акции (выставки, спектакли) прошли десятки молодых людей, часть из которых так и остались в нем, подружившись между собой и, естественно, с нами, его зачинателями.

- Сейчас участники ТОН «Ключ» благополучно живут, как минимум, в шести

разных странах мира, в том числе в Германии, Австралии, Америке. И всё-таки, объединение сплочено и активно, как никогда. Как это удаётся?

- Прежде всего, как мне кажется, это произошло потому, что все мы много лет уже дружим, а дружба – это самые крепкие узы, объединяющие людей. А к дружбе еще плюсятся творческие интересы, близкие взгляды на искусство и общечеловеческие ценности, совместные культурологические акции и прочее.

- Сейчас очень часто говорят: «русская поэзия мертва» или «она переживает кризис». А Вы что думаете на этот счёт?

- Собака лает, ветер дует, а караван идет. Говорящие это выдают желаемое за действительное! Русская поэзия, как и поэзия вообще, - бессмертна, поскольку язык Поэзии – это язык, на котором люди говорят с Богом, который был до нас, есть сейчас и будет после. А Поэзия умрет, когда исчезнет Он. Вывод напрашивается, исходя из данной логической цепочки...

По этому поводу есть старый одесский анекдот:

- Дядя Изя, как здоровье?

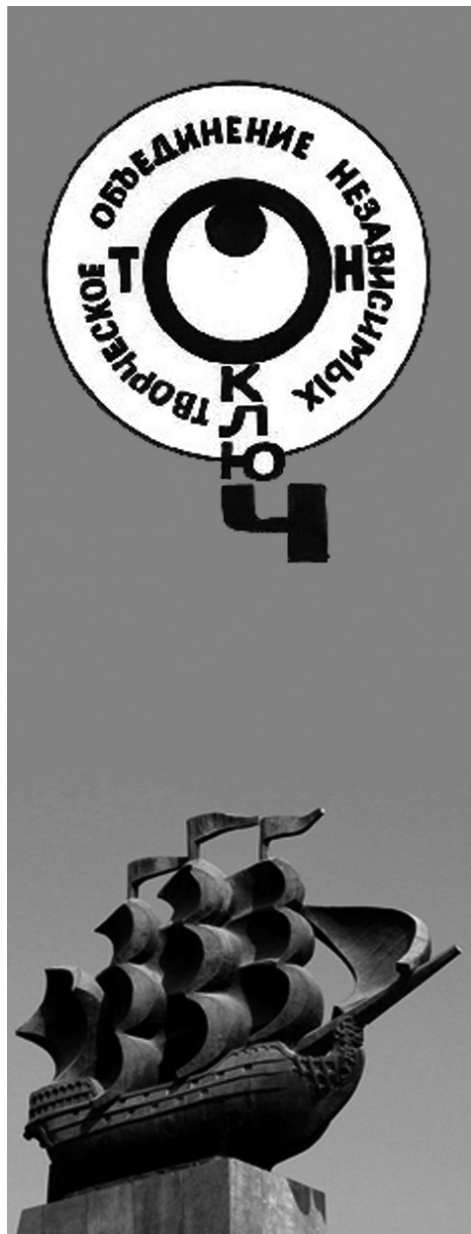
- Не дождетесь!!!!

- И, наконец, традиционный вопрос: что Вы можете пожелать другим творческим людям и объединениям – а также читателям «Интеллигента», международной литературной газеты?

- Порядочности в жизни, верности в дружбе, честности в Творчестве. А все остальное не имеет существенного значения.

С творчеством Юрия Топунова и других членов ТОН «Ключ» можно познакомиться на сайте www.artkavun.kherson.ua/ton-klyuch.htm

Интервью провела Наталья КРОФТС

- Да для нее это слово, как красная тряпка быку! Она при слове «уроки» теряет пульс и сознание. Она же, когда я сажусь за стол и раскладываю тетрадки, всех загоняет в подвал, чтобы меня не отвлекали. Это же у нее ма-неч-ка!..

С одной стороны, я понимал Мишку, пребывающего постоянно под террором своей матери, но, с другой стороны, разделял и беспокойство тети Ривы, ведь Мишка еле-еле перебивался с тройки на четверку и считался в классе уверенным троечником, а наша школа, бывшая когда-то гимназией, считалась элитной и набирала, в основном, детей из благополучных семей, показывающих высокую успеваемость, хотя бы по профилирующим предметам, которыми в школе были назначены физика и математика. Но Мишку, учившегося здесь с первого класса, отчислить никак не могли, а перевести его в другую школу, где требования к знаниям были мягче, родители категорически отказывались. И школа была вынуждена смириться с присутствием в своих стенах ученика, явно тянущего ее показатели по успеваемости вниз, и старалась использовать максимально его таланты.

А таланты он имел. Первым его талантом был спокойный недрачливый характер, даже наша вьедливая классная руководительница, Татьяна Александровна, ни разу не видела Мишку дерущимся и часто ставила мне его в пример:

- Посмотри, Владимир, неужели все вопросы нужно решать кулаками? Вот Мишенька почему-то может вполне обходиться без этого, – она постукивала тонким сухим пальцем по моему лбу и добавляла, - ну ты же умный мальчик, комсомолец, тебе класс даже доверил быть его старостой...

Я опускал глаза и ждал, когда же ее внимание привлечет еще кто-то и она сменит пластинку, а я смогу продолжить игру в «козла», тем более, только что отыграл свое право не стоять «козлом» и могу насладиться прыжками через сменившего меня в этой роли одноклассника. А Мишка стоял в стороне и спокойно смотрел, как мы скакали, прыгали, дрались, и думал о чем-то своем. Вторым Мишкиным талантом была музыка, точнее, игра на аккордеоне. Правда, об этом своем таланте он не знал, или не хотел знать, но в музыкальную школу все-таки был определен и даже иногда туда ходил. Ведь, следуя логике, вначале должен быть ребенок, которого спрашивают, а не хотел бы он научиться играть на, допустим, аккордеоне и, невзирая на ответ, покупают ему инструмент. А в Мишкином случае все было до совсем наоборот. Его отец, дядя Сёма, был фронтовиком и прошел, как сам любил говорить, путь от Сталинграда до Берлина. Ну, насчет того, был ли он в Сталинграде, сказать сложно, а вот что он посетил Берлин - свидетельствовал трофейный аккордеон, который пылился в кладовке вплоть до рождения Мишки, и вся семья, а это были тетя Рива, дядя Сёма и их родители, две бабушки и один дедушка (второго немцы расстреляли во время оккупации), с нетерпением ждали, когда же Мишка вырастет и осчастливит их своей игрой на этом роскошном инструменте.

И Мишка рос и креп на усиленном питании, которым его пичкали все, с причитанием, не дай Б-г, мальчик похудеет. И мальчик не худел, а постоянно выглядел таким упитанным крепшущим с несколько вальяжными манерами. Впрочем, это было чисто внешне, а внутренне Мишка был настоящий вулкан, но спящий до поры до времени, и об этом, наверное, знал только я, его кореш и доверенное лицо во всех проделках и увлечениях.

Так о чем это я? Ах да, о втором Мишкином таланте, который он умудрился зарыть, так и не развив. Когда настал торжественный момент идти в музыкальную школу, все собрались для осуществления общесемейной мечты, - вырядили Мишку в черные суконные штаны и пиджак, под которым была белая сатиновая рубаша, туго застегнутая под подбородок, и кагалом демонстративно направились сопровождать будущего великого музыканта: впереди шествовал дядя Сёма, бережно неся в руке аккордеон в коричневом дерматиновом чехле, следом шла тетя Рива, ведя Мишку за руку, и замыкали процессию, все из себя нарядные, бабушки Дора и Фаня, держащие под руки с двух сторон дедушку Мишу, который вырядился в праздничный, пахнущий на квартал нафталином, черный бостоновый костюм еще довоенного пошива и выглядел заведующим похоронным бюро. Под таким надежным эскортом Мишка чувствовал себя уютно и кидал косяки по сторонам, опасаясь, как бы не увидели его в таком виде пацаны, с которыми он все лето гонял в футбол в соседнем дворе. Но время было обеденное, ведь музыкальная школа работала во вторую смену, и ребята, не причастные к музыке (а только такие входили в круг Мишкиных друзей), за обе щеки уплетали куриную ножку или соте из синеньких и могли увидеть друга только в закрытое окно кухни. Но мы оставим их, прильнувшими к мутным стеклам с вытаращенными глазами и последуем за крестным ходом на Мишкину Голгофу.

Я не стану смаковать всю глубину Мишкиного позора, пока он шел, ведомый матерью по Суворовской, но не могу опустить того факта, что когда Мишка увидел, куда его привели, он вырвался из цепкой материнской руки и попытался сигануть через металлическую ограду парка, но удача в этот день оставила его, и бедный пацан повис на пике ограды, зацепившись полой ненавистного пиджака, откуда его и сняли общими усилиями и, уже держа за обе руки, завели в школу.

Продолжение на след. стр.

Творческое Объединение Независимых «Ключ»

Продолжение. Начало на стр. 2

Все это я не один раз слышал от тети Ривы, которая постоянно жаловалась мне на безалаберность сына в надежде, что я посодействую его воспитанию своим примером, с ее точки зрения, пай-мальчика. И я содействовал, правда, не совсем так, как мечтала эта добрая женщина.

А познакомились мы с Мишкой, когда моя семья поселилась в нашем городе, и меня с большим трудом определили в школу, где Мишка учился с первого класса и был там уже старожилом. Первое время он настороженно наблюдал, как я занимаю свое место в мальчишечьей стае, кулаками и грубостью отстаивая независимость и достоинство, а когда равновесие, нарушенное моим приходом в класс, установилось, мы с Мишкой стали потихоньку сдруживаться. А однажды я встретил его возле музыкальной школы, расположенной рядом с моим домом, и вот тут-то все и началось...

Вы меня спросите, а как же школа пыталась использовать Мишкин музыкальный талант? Если вы еще не догадались, то значит вы никогда не учились в образцово-показательной советской школе и вас не привлекали к участию в художественной самодеятельности. А наша школа была именно такой, и постоянные смотры и конкурсы художественной самодеятельности были неотъемлемой частью учебного процесса. А, как записала себе наш классный руководитель, Мишка был учащимся музыкальной школы, и не могла же Татьяна Александровна не использовать этого на благо класса и школы. Поэтому, как только приближался какой-то праздник или очередной смотр, она строгим голосом говорила:

- Ребята, наш класс должен показать, на что он способен, - и все обращали взгляды в сторону Мишки, который сидел, втянув голову в плечи, - а почему вы смотрите на Мишу? – вопрошала учительница, - он уже готовит свой номер. Неужели у нас больше нет талантов? - И начиналось добровольно-принудительное назначение, кто и что будет показывать. Именно этот риторический вопрос пожилой дамы и заставлял всех думать, что у Мишки несомненно есть талант.

А вот его выступления всегда вызывали бурю восторга и смеха. Как правило, программу вела Людочка, миленькая блондинка, в которую было влюблено полшкола. Она выходила из-за кулис на сцену и объявляла:

- Полонез Огинского, - затем прыскала в ладошку и торжественно продолжала, - исполняет Михаил Карп, - опять прыскала и исчезала за кулисами.

Кто-нибудь выносил на сцену стул и на него усаживался Мишка, сгибаясь под тяжестью аккордеона. Какое-то время он изучал клавиши слева и кнопки справа, потом поднимал голову и смотрел в зал, виновато улыбаясь и только после этого извлекал из инструмента звуки первых аккордов, останавливался, почесав затылок правой рукой, опять бросал взгляд в зал и продолжал мелодию полонеза, сбиваясь и повторяя сначала, как будто только начал произведение разучивать и играл по нотам, которые видел первый раз в жизни. Хихиканье зала перерастало в смех, но Мишку это нисколько не смущало и он продолжал играть, стараясь довести полонез до финальной ноты, что, впрочем, редко удавалось, и он, со словами «Тю, забыл!» раскланивался и под шквал аплодисментов покидал сцену. Правды ради, следует сказать, что смеялись все – и ученики, и учителя, и даже наш строгий директор, чей баритон царил над звуком тонких голосов детей и взвизгами учительниц. И так повторялось из года в год, почти на каждом концерте, пока Мишка не покинул музыкальную школу.

А случилось это так. Однажды я сидел дома и слушал по приемнику джазовую музыку, которую передавал «Голос Америки». Как вы знаете, слушать тогда «Голос Америки» да еще ученику образцово-показательной школы было крамолой в квадрате, но уж больно мне нравился джаз и тайком от родителей я находил на коротких волнах радиолы «Чайка» заветную передачу и тихонько слушал волнующие голоса Эллы Фитцджеральд и Луи Армстронга, уплывая на ритмичных волнах завораживающей музыки. В это время раздался звонок и мать крикнула из прихожей:

- Вова, к тебе Миша!

Я аж подпрыгнул от неожиданности и, приглушив до отказа приемник, выскочил из своей комнаты.

- Тебе чего? – спросил, недовольно глядя на него.

- Можно у тебя пересидеть? Я смылся из музыкалки, - Мишка лукаво поглядывал из-под бровей.

- Заходи, раз пришел. – И мы пошли в мою комнату.

- А что ты слушаешь? - увидев включенный приемник, спросил он.

- Джаз, - тихо, но внятно произнес я и внимательно посмотрел на Мишку.

- Вот это класс! – шепотом заорал он и аж подпрыгнул, - а предки не гундят? – кивнул в сторону двери.

- Они не знают, - тихо ответил я, - а то батя убил бы...

- Вот даешь! - Мишку восторг просто распирает, и мы оба приникли к приемнику.

Так началось наше посвящение в мир джаза и закадычная дружба пацанов, повязанных одной тайной. Отныне Мишка, направляясь в музыкальную школу, благополучно миновал ее и заходил ко мне. Чтобы моя мать ничего не заподозрила, аккордеон он оставлял в подъезде и на мой вопрос - а если сопрут? – отвечал – и хрен с ним! Но каждый раз, когда я его провожал до выхода из подъезда, аккордеон стоял на месте, и Мишка, с грустным вздохом брал тяжелый инструмент и вошел с ним домой. Так длилось ровно учебную четверть, пока итоговое родительское собрание в музыкалке не известило Мишкиных родителей, что их сын прогулял почти семьдесят процентов учебного времени, не сдал и, более того, не разучил ни одного зачетного произведения и, таким образом, к занятиям в следующей четверти допущен быть не может. Означало это одно: за прогулы и хроническую неуспеваемость Мишка был отчислен из музыкальной школы, и его аккордеон снова был водружен в кладовку, откуда несколько лет назад был торжественно извлечен. Естественно, где он проводил время вместо занятий в музшколе, Мишка не признался, несмотря на длительные экзекуции, и мой авторитет в глазах тети Ривы не пошатнулся, что позволяло нам беспрепятственно продолжать встречаться вне школы, и наша дружба росла и крепла.

Вы скажете, да он же был нормальный парень, причем здесь выродок? Вот и я о том же! Но у тети Ривы было свое мнение по этому вопросу и, когда мы закончили восьмой класс, она направила Мишку в техникум со словами: «Не хочешь учиться в школе, иди учиться в техникуме, получишь хоть какую, никакую специальность, а то мы с папой помрем, и ты, выродок, с голода подохнешь!» Мишка пошел в техникум, и какое-то время наши встречи были редкими и мимолетными. Типа:

- Привет, Мишуня, - бросал я ему, встретившись на Суворовской.

- Привет, Вовчик, - уныло отвечал он.

- Как дела?

- Да это разве дела!? Одни делишки, - и Мишка смачно сплевывал и выражался на любимом нами матерном. – В технаре мрак, дома пилят – нема жизни.

- И что, в технаре то же, что и в школе? – мой вопрос на мгновение зависал в воздухе, а Мишка, глядя, как всегда, исподлобья и скривив губы, как бы оправдываясь, басил:

- Да нет, я там на красный диплом тяну... - снова сплевывал и, извлекая из пачки сигарету, закуривал. – Тебе не предлагаю, ты у нас спортсмен. Ладно, пошел я, у меня еще две курсовых нужно сделать, – и уходил, мрачно волоча ноги.

Я уже учился в институте, когда Мишка, после окончания техникума загудевший в армию, пришел первого сентября в Дворце культуры на торжественное открытие начала учебного года и подошел ко мне легкой спортивной походкой, широко улыбаясь. Дивясь такой разительной перемене, я обнял его:

- Привет, Мишка! – заорал, не скрывая радости. – Ребята, это мой школьный друг, - начал знакомить его с моими сокурсниками. – А как ты отучился здесь?

- Да вот, я тут поступил в ваш институт. У меня же льготы после армии, - и как бы оправдываясь, - да еще красный диплом из технаря... - и ребята с уважением посмотрели на моего друга, а я испытал теплое чувство, что Мишка наконец-то проснулся и, как принц на белом коне, появился во всей красе.

Много чего было еще в нашей жизни. А Мишка после окончания института отучился в аспирантуре, защитил диссертацию и преподавал долгие годы в университете. Часто, встречаясь с тетей Ривой, я так хотел ее спросить:

- Тетя Рива, так кто же у нас выродок? А?..

Но так и не решился. Вот интересно, - что бы она мне ответила.

Лидия Ивченко

Родилась в Херсоне, училась в Харькове, живёт в Киеве, по специальности – программист. Поэт, переводчик.

* * *

Его еда подгорает - вся.
Его друзья уезжают - все.
И эти факты соотнеся,
Ноябрь прибавив во всей красе -

В грязи взاخлеб и в разводах луж, -
Припомнив несколько крупных лаж,
Он убеждается, что не дюж
Тянуть сей гуж, несмотря на стаж.

Там дрянь за окном и ноябрьский сплин,
И выглядит дождь, как военный плен.
На юг улетел его женщин клин,
Оставив тряпье и тоску взамен.

Осеннее чтиво

В тумане колышется водоросль дома.
Луна раздвигает окно на манер
Фусума. И после четвертого тома
Родными становятся слог и размер.

Неявное дышит неявно, но чутко
Вдыхает чернила, и форму, и суть.
Плывущий в тумане, зайди на минутку,
Явись на мгновенье. Присядь отдохнуть.

Как люди нам дороги. Книги - дороже,
Хотя бы и тем, что от нас не уйдут.
И встреча, как ласки, -
и длится по коже
Не менее дня, а не десять минут.

Где-то в июне

Чай с ложечкой, стол, кровать, скамья.
Таблетки, как мелочь, звенят в карманах.
За окном - корячатся Босх и Кранах.
Перед окном - я.

Чем плохо - смотреть на себя в экран?
За микросхемами видно и мир, и лица.
Выберу, если снова возьмусь родиться,
Одну из таких стран.

Виноград

Виноград рассыпается по песку.
Солнце крошит в волну золотые грани,
Снова сон готовится ко броску,
Несмотря на сотни чужих стараний.

Это праздник, когда тебе говорят:
Ты мне нужен. но нужен ли ты на деле?
По камням рассыпался виноград.
Мы так долго шли не куда хотели.

Это больно, когда тебе снится боль
Та же, что наяву, только четче, ярче.
Золотая рыбка плеснет: изволь,
Говори, мол, чего пожелаешь, старче.

А чего пожелаю, не знаю сам.
Или знаю, но страшно, ей-богу, рыбка.
От морщин нет доверия к чудесам.
Улыбаюсь, молчу, отступаю зыбко.

Ты заметил...

Ты заметил? Дороги всегда уводят,
А тропы – ведут назад.
Ты заметил – когда кто-нибудь уходит,
Непременно будет – в закат?

Ты заметил? К чему не стремятся люди,
Непременно это – весна.
Даже тот, кого мы полюбим, будет
Либо – он, либо – она.

Ты заметил? До нас уже всё создали.
Всё сказали. А мы теперь
Бесконечно шлифуем детали, детали...
Что не так уж плохо, поверь.

Светлана Уманская

Родилась в Крыму, живёт в Херсоне. По специальности – юрист. Избранная лирика была опубликована в журнале «Летопись Причерноморья».

* * *

Душа моя трепещет былинкой на ветру,
Мне прочит птицей вещей,
что скоро я умру,
Что мало мне осталось печалей и невзгод,
И лишь моя усталость меня переживет.

* * *

И что ж прочел в душе моей
Твой взгляд спокойно-безмятежный?
Не обожгись душою нежной
О пепел прожитых мной дней.

Увы, еще он не остыл
И жжет, и мучит, и пытается,
И так несбывшимся терзает,
Что, кажется, и жить нет сил.

Все было, счастье и весна,
Глаза сияли звезд всех боле,
Но глаз моих голубизна -
Теперь лишь серый пепел боли.

И я смеюсь, смеюсь, смеюсь,
Чтоб сил заплакать не осталось,
И глаз внимательных боюсь,
Мне кажется, сейчас вгляжусь,
А в них – сочувствие и жалость.

* * *

Я целый мир готова ненавидеть
В отчаянье своем нетерпеливом.
Какая мука глаз твоих не видеть,
Не нежиться в сиянье их счастливым.

Мне слышатся шаги твои напрасно,
Ты не придёшь, я это знаю точно.
И странно, что все так до боли ясно,
Но не найти мне сил поставить точку.

* * *

Однажды сердце биться устаёт,
Душа однажды складывает крылья
И прерывает свой земной полет,
Устав от безнадёжного бессилья.

Однажды узнаешь, что все не так.
Что дорого в былом, таком
счастливым –
Все отнимает рок неторопливый,
Как самый злобный и жестокий враг.

* * *

Когда бессонными ночами
В прозрачной лунной тишине
Под звуки музыки печальной
Кружатся звезды в вышине,
Я вспоминаю сонный берег,
Дыханье влажной темноты,
И дорасти до звезд хотели
Огня багряные цветы;
Под легкой пеленой тумана
Плескалась теплая волна,
Гитара пела нежно, странно,
Лишив покоя, сердца, сна.

* * *

Звезда моя печальная,
Зачем, зачем ты светишь мне,
Ты как свеча венчальная
Горишь в окне, моем окне.

Ты светишь так таинственно
И грустно так, и нежно так;
Так смотрит мой единственный,
Мой первый друг, мой первый враг.

Тоску ночей томительных
Всю горечь бед минувших лет
Затмил очей губительных
Волшебный свет, манящий свет.

На миг лишь, словно молния,
Жизнь озарил он и погас;
И я тех глаз невольницей
Молюсь тебе в последний раз.

Сергей Зубарев

Родился в 1964г., живёт в Херсоне. Коммерческую деятельность успешно совмещает с общественной; ведёт литературный кружок при Детской областной библиотеке г. Херсона. Автор поэтического сборника «Провинция».

Останови свой яркий бег,
Очнешься — бесконечно выше,
Незримо перейдя рубеж
Прозрачной и Вселенской крыши.
Пространство с ревностью вдовца
Назначит времени свиданье;
Я ж каплей по руке творца
Сбегаю в кладку мироздания.

Домино. Принцип домино. Домино, в принципе

Отец играет в домино.
Стоит под столиком бутылка,
И в ней — дешёвое вино
Темней багрового затылка.
Многолитражный сериал
Коммунистического детства...
Да будет счастлив, кто не знал,
Тех собутыльников соседство.
Стучат костяшки по столу,
По очереди из стакана
Пьют ненавистную смолу -
Смесь из «Портвейна» и «Агдама».
Стоят на рейдах корабли,
И бороздят поля комбайны,
И колосятся до зари
Коммунистические тайны.
Но я такому детству рад,
Мне солнце светит по-другому,
И пионерский мой отряд
Был лучшим по металлолomu.
А после драки в домино
Отец, соседу давший сдачи,
Обидел мать и спит давно,
И слышно мне, как мама плачет.
Кошмар во сне и наяву
В пределах сумрачной кровати,
Мне снилось, что я не живу
А так, проснувшись вдруг нестати.
И я шептал: перетерпи,
Нет ни обиды, ни позора
В том, что на жизненном пути
Судьба зависит от поэра.
Но не об этом я грущу -
Не принимая боль отравы.
Я виноватых не ишу.
Ни виноватых нет, ни правых.

Бомж

В нашем подвале бомж жил,
Угрюмый, с рябою рожей.
Не по своей воле бомжил,
А, вероятно, по Божьей.
Никто с ним не говорил
И он с одиночеством свыкся.
Его душу списали в утиль,
Но он не жалел, не молился.
Часто живя во лжи,
По одному и в сумме —
Для Мира мы все бомжи...

А бомж из подвала — умер...

Туман

*«И в сердце растрava,
и дождик с утра...».*
Верлен.

Немного пасмурно — и стелется туман,
В окне плывёт твой
пасторальный профиль.
И кораблями кажутся дома.
Ты не звонишь. И остывает кофе.

Когда в крови закончится озон,
То не заметить взгляд уже не сможет
На подоконнике забытый жёлтый зонт,
Что со строкой Верлена странно схожий.

Да, лучше так — ты первой не звони!
Никто из нас другого не обманет.
И пусть окно твой образ сохранит,
А день — тоску, что прячется в тумане.

Провинция

Провинция. Суббота. Тишина.
Лишь ряд торговый гомонит и бредит.
И солнце мутное, томясь в плену у сна,
Сквозь сито полдня безмятежность цедит.

Усталость теплая касается ресниц,
И небо опускается до кровель.
И неподвижность в очертаньях лиц
Напоминает на монете профиль.

Я после летнего, прохладного дождя
Подбрасываю вверх монетку грустно.
Пусть отражает солнце, ввысь летя,
Пока в душе и пасмурно и тускло.

И это — времени и действа тождество,
Почти обман или не-откровенность.
А света и металла торжество
Всей суеты подчёркивают брeнность.

Так отражает ординарность дня
Чередованье серебра и тени,
Две стороны судьбы соединя
Непреходящей ценностью мгновений.

Бернхард Лирхаймер
(Bernhard Lierheimer)

Немецкий поэт, родился в 1963 году в г. Криглингене (Германия). Соавтор проекта «12 граней любви». В 2008 году ТОН «Ключ» выпустил книгу его стихов «Иногда я вижу звезды» в двуязычном варианте. Литературный перевод выполнен Ириной Лирхаймер и Юрием Топуновым. Бернхард неоднократно выступал перед херсонской публикой.

Травинки.

1 000 000 000 травинок для Биггит

Травинки вокруг нас и в нас,
Растут вовнутрь и наружу.
Как снег и ливень в одночас,
Любовь царит и в зной, и в стужу.

О, сочность слова, сенокос!
Хрустит коза душистым сеном,
Но осень мысли под откос
Пускает, яд стремя по венам.

В мечтах хочу я видеть ночь,
Где звезды ясные сверкают,
И сладко-горький дух их прочь
Уносит в небо. Звуки тают

Над безмятежностью полей,
Когда уж все пути изжиты,
Я мимо куполов церквей
Лечу и мимо гор забытых.

Но, нежась в пухе облаков,
Мечты плывут среди лугов.

Маленькие пейзажи

Маленькие пейзажи.
А между ними яблони,
Под которыми лежу я
В пьянящем облаке душицы.

Лето — это не пора года,
А только промежуток
Между весной и осенью.
А остальное — зима.

Время от времени надо мной гудят
Майские жучки в июне,
Как маленькие бомбы,
Которые рвутся где-то за мной.

Яблоки мерцают надо мной,
Но скоро они все опадут
Еще до того, как созреют.
И так каждый год.

А на футбольных воротах
Сидит всезнающая сорока.
Мимо бредут хилые телята
И держат курс к консервной банке.

Я не знаю, что будет,
если не будет ничего.
Разве что луга покроются снегом.

Мария Рубе

Мария Рубе родилась и живёт в г. Санкт-Петербурге, но 16 лет её жизни прошли в Херсоне. Поэт, прозаик, фотохудожник.

Какая потеря

Через рассвет, закат, рожденья, смерти
Переступай уверенной ногой.
Пускай планету эту так же вертит
Навеки обезличенный герой.

Что нам с того?... Земное притяженье
Куда слабее уз, связавших нас
В Гордиев узел странного влечения.
Руби скорей! Не надо лишних фраз!

Через меня, себя — шагай смелее! —
Уверенно ногой переступай!
Прошу лишь: обо мне, как о потере,
Не думай. Не жалея. Не вспоминай.

Петля

Ни выречь —
Ни выпрямить —
Ни выбросить в окно.

Ни высмеять —
Ни выронить —
Ни начинить свинцом.

Ни слова —
Ни словечечка —
И голос уж не мой:

Обручечко —
Колечечко —
На горлышке петлём.

Contra spem

Я живу в Питере. Я перестала
жить Херсоном.
Воспоминания перестали отдаваться
в сердце колокольным звоном
И во рту исчез крови вкус.
Я ещё немного злюсь
На тех, кто перестал писать письма.
Но прекрасно понимаю их всех.
Они думают, что письма

не нужны птицам,
Что удел птиц — пенье, а скота — хлев.
Они знают, что жизни и счастью
Извечно сопутствует смерть-зло.
Они любят Солнце и зонты
(при ненастье),

Но не ценят запаха метро.
Мне было бы их искренне жаль,
Но птицам не знакома печаль.

Маяк

Коньяк. Вечер. А пальцы замёрзли.
Блеск зрачков в желтизне фонарей.
Мы повторно знакомимся после
Странной встречи. Исходит апрель.

Пальцы мёрзнут. Ладонью горячей
Понял это, коснувшись на миг.
“Поцелуй меня!” — ты озадачен —
Но к дыханью дыханьем приник...

Блеск зрачков.

Ночь — и пальцы согреты.
Цветом чай — как допитый коньяк.
Мы друг в друге — два недопоэта —
Ищем яркий и верный маяк.

Двадцать два

Семь прошло:
Ты совсем уж взрослый.
Хорошо.
Поцелую кости
За ушной раковиной,
Под кожей спрятанные.

Поцелую сердце из гранита,
Об который разбита, забыта.

Не люблю — и с тобою мы квиты.

Вячеслав Савельев

Родился в 1967 году в Ленинградской области. После окончания Гидрометинститута переехал в Херсон. Поэт, художник, фотограф, член Национального Союза фотохудожников Украины. Избранная лирика была опубликована в журнале «Летопись Причерноморья».

В Разливе

С утра зеленая погода
Стучит по крыше шалаша.
На зов далекий парохода
Я просыпаюсь не спеша.

Намокли рукописи в сумке,
Полна чернильница воды
И кьянти разлилось из рюмки,
Наделав на столе беды.

В траве, несъеденной конями,
Там, и голодный и босой,
Косарь кружит по-над полями,
Как Апокалипсис с косой.

Укрывшись здесь, в полях бескрайних,
Вдали от улиц городских,
Пишу, пишу в тетрадах тайных
О рассуждениях своих.

Остаться б здесь и жить свободно,
И ждать подругу по утрам,
И есть и пить, когда угодно
Тебе, а не кому-то там.

Дождливый май клонится к лету,
И ветер пристает ко всем,
И небо плачется в жилетку
Мою, промокшую совсем.

Зазеркалье

Сегодня будем мы вдвоем
Запретам вопреки,
Пускай смеется молодежь
И ропщут старики.

Цена довольно высока
За счастья краткий миг,
Ее не сложит ни юнец,
Ни опытный старик.

А зависть душною волной
Глаза им будет жечь,
И вся родня, и все враги
Враз изойдут на желчь.

Изобличат и заклемят
И в профиль, и в анфас,
И стая слов, как свора псов,
Набросится на нас.

Но все же будем мы вдвоем.
Запретам вопреки,
Друг к другу трепетно близки —
От Мира далеки.

Сезон желтых бабочек

Желтые бабочки осени поздней
Сделали ночи длинней и морозней.

Изгнаны птицы в чужие края —
Скучна вселенская клетка моя.

Желтые бабочки листьев летающих
Мир изменили. Где их, убегающих,

Северный ветер в холодный сачок
Ловит и плетью стохвостой сечет.

Но незаметно в обыденной сутолоке
Вырастут снова на веточках куколки

И в ноябре, завершив превращение,
Снова начнут над землею кружение

Бабочки желтые,
стужи предвестницы,
Желтой, осенней печали ровесницы.

Творческое Объединение Независимых «Ключ»

Нью-Йорк – Херсон

Иногда даже кажется странным: в суете, спешке, многоликости Нью-Йорка вдруг мелькнёт знакомое лицо. И ты бежишь ещё пару блоков, не зовёшь сразу, боясь обознаться, обходишь и разочарованно вздыхаешь: нет, опять показалось. Или привидится во сне перекрёсток из далёкой юности. И ты ещё долго лежишь с закрытыми глазами, пытаешься рассмотреть подробности и понять, зачем это мы со старым херсонским дружком здесь встречались и куда потом пошли. Вот и жена, а она чаще меня видит сны, иногда говорит: «Сегодня Херсон снился», - подразумевая под этим не только город, но и лица.

Отчего это? Мы ведь не тоскуем по Херсону - грех тосковать, когда здесь и дети, и уже внуки. Когда рядом океан и пляж - видны с балкона, как Днепр с высокого правого берега. Когда есть работа и возможность развлечься. Не так уж часто и говорим о городе, где родились и провели первую половину жизни. Да и клубника здесь «каждый день - с 7 утра»...

А вот, поди ж ты - снится... Наверно, это сидит глубоко в нас, в подсознании. Иной раз купишь хорошие, мягкие, сочные и пахучие персики или абрикосы, скажешь дома: «Ох, персики купил - херсонские!». А как ещё описать превосходную степень, одним словом? Дети раньше спрашивали: «Папа, почему херсонские?», и я отвечал «А ты укуси его над тарелкой и, когда сок закапает, если захочется капли эти на лету ртом ловить - значит херсонские». И сколько недель те персики у нас в Херсоне были, две, три? А здесь чуть ли не круглый год. Но, всё равно, то - эталон, эталон вкуса и запаха из детства. Такое же, похожее, ещё можно найти (если знаешь, что ищешь), но лучше уже не бывает.

Или выезжаем зимой, из здешней стужи и непогоды на недельку на Карибские острова. А там - лето, из воды вылезать не хочется, песочек чистый, персонал приветливый и белозубый, за всё уплачено. Смотрим погоду в Нью-Йорке. И обязательно кто-то злобно прокомментирует: «А в Херсоне-то сейчас мороз и снегопад». Причём тут Херсон? Когда находишься вне дома, почему-то особенно часто в разговорах о доме вырывается «Херсон». Как будто это эквивалент дома.

Чувства к малой родине каким-то странным образом распространяются и на всю Украину. В самом сердце Манхэттена, в середине Рокфеллеровского центра очень часто на высоких флагштоках поднимают флаги всех стран мира. Это красиво, нарядно, празднично. Всегда удивительно увидеть там флаг Израиля со звездой Давида, рядом с флагами заклятых «друзей» - Ирака и Ирана. Где ещё такое возможно, кроме Нью-Йорка? И всегда ищешь там жёлто-голубое полотнище Украины (где-то рядом с Угандой и Уругваем): «Привет. На месте? Всё в порядке?». Ну, что мне этот флаг? Я даже не помню, был ли он уже официально принят, когда мы уезжали, или это произошло позже. Но вот, всё равно, приятно, как будто тебе передают привет родные, друзья, коллеги по работе. И просто хорошие люди, которые врезались в память однажды, случайно и навсегда. Как та женщина-диспетчер, которая каждый раз, когда мы вызывали в Херсоне (во время последнего визита) такси, весело и тепло говорила: «Приятной вам поездки». Или мужчина, покатавший нас по Днепру в своём большом баркасе. На мой вопрос, когда я с ним расплачивался: «Всё в порядке? Достаточно?», он коротко и с достоинством ответил: «Вполне...». Краткость и достоинство нынче встречаются не так уж часто.

Как-то пару лет назад гуляя в обед по Таймс Сквер - площади, которая фактически является расширенным перекрёстком Бродвея, 7-й Авеню и нескольких улиц (от 42-й до 50-й), я увидел плакатики на фонарных столбах. На знакомых и незнакомых языках там было написано одно и то же: «Добро пожаловать на Таймс Сквер - перекрёсток мировых дорог». Конечно, стал искать надпись на украинском и, к своему удивлению, довольно быстро нашёл: «Ласкаво просимо...» и дальше, по тексту. А однажды, уже совсем давно, проезжая с семьёй по пустынным и тихим «сельским» дорогам штата Нью-Йорк, мы чуть не угодили в кювет, ибо я резко затормозил и съехал на обочину. Конечно, нельзя быть таким впечатлительным за рулём, но каково было бы вам увидеть здесь над боковым ответвлением дороги большую растяжку со словами «Ласкаво просимо!» У меня же с этим совсем другая ассоциация - точно такая растяжка висела над дорожкой, ведущей к танцплощадке в Днепровском парке, если смотреть с улицы Перекопской. Чего только не хранит наша память...

Но и Херсон помнит нас всех, своих детей. Не забуду, как кольнуло меня во время того же визита несколько лет назад, когда, гуляя по обновлённой Суворовской, неожиданно увидел сохранный кусочек старой мостовой с проникновенной надписью: «По этим камням ступали многие поколения херсонцев». Значит, и моё поколение тоже. Значит, это и обо мне. Всегда приятно, когда о тебе кто-то вспомнит.

Забавно, что мама тоже всегда повторяла: «Вот вернёмся в Херсон...» Или вопрошала: «А когда же поедem в Херсон?» И если я не пропускал это мимо ушей и ехидно дopyтывался: «Ну, вернёмся, и что ты там будешь делать?», звучал многозначительный и воодушевлённый ответ: «О-о-о». И в дополнение, с энтузиазмом взмахивая руками: «О-го-го» - типа, вот там мы ещё повоюем. Причём, чем дальше она удалялась от нас в своих мыслях, чем слабее становилась, тем чаще задавала этот вопрос. Наверно, настоящее сливалось, не понималось и не ощущалось, а прошлое становилось всё ярче, выпуклее, интереснее и заманчивее. И в этом, возможно, притягательная и объединяющая сила родных старых стен. Ведь будущее, да и настоящее, у каждого своё. А прошлое - оно всегда одно на всех.

Места, где мы провели наше прошлое, детство и юность всегда притягательны, окутаны ореолом романтики и пеленой воспоминаний. И всегда - идеальны и прекрасны. Как прекрасна сама молодость и любовь. Почему так? Мы не знаем... «Разве любят за что-то? Разве любовь не существует сама по себе!»

Наталья Крофтс

Отзвук Горация

*Horatius,
Liber Primus,
Carmen III*

На море не рождаются стихи —
Рождаются унынье и проклятья.
И человек в безумии стихий
Вотще твердит бессильные заклитья.

Его творили боги не для нас —
Для тварей, пучеглазых и холодных.
Что можешь ты,
коль утлый твой баркас
Бросает среди тёмных
волн голодных?

Смотреть на нескончаемую гладь
И на её просторы неживые
И, как Гораций, тихо повторять,
Что был безумен, кто впервые
Дерзнул стихию моря покорять.

* * *

И жизнь пройдёт — закроются глаза.
А лес шумит, и тучи гонит ветер.
Два-три листка на
выцветшем паркете —
Мои останки — шевелит гроза.

* * *

Осеннее небо. Спокойная мгла
Двух птиц длинношеих
«Прощай» донесла.
На землю истома неслышно легла.
Рассветная дымка. Четыре крыла.

* * *

Не подходите близко к алтарям:
Они, быть может, вовсе не святыни,
А просто камни, мёртвые, пустые.
И кровь на них
разбрызганная стынет —
Не подходите близко к алтарям.

Днепропетровск

Читатель-автор

Тихий шелест книжных страниц, типографский запах, чужие слова, мысли, образы, через некоторое время они уже твои, родные и выстраданные. Корешок к корешку, книга к книге и вот - библиотека. От отца к сыну, к внукам, правнукам и дальше, дальше. Неважно, что книга растрепана, зачитана, что страницы держатся на «честном слове», от этого она еще ценнее. В трудную минуту ты обращаешься за помощью к любимой книге, она всегда под рукой, где бы ты ни был, на войне, в долгом плавании, далеком путешествии. Есть то, что связывает прошлое с будущим, еще не обретенное с потерянным, вселяет уверенность, придает силы. Тонкая нить, которая никогда не рвется, и на которую нанизываются поколения за поколениями. Фантастическое перевоплощение: чужой, неизвестный человек становится родным и близким. Автор и понятия не имеет, кто его читатель, где и как живет, но все про него угадывает и чувствует. В этой встрече — тайна отношений, откровение, честность двоих. Когда-то книгу берегли — держали в отдельном месте под большим замком, потом в шкафах, затем на полках, сейчас, где найдется место — на полу, земле, подоконнике. Было время — книга могла определить судьбу человека, направить его, устыдить, перепахать душу. Таково влияние слова. Не меньшим авторитетом обладал и автор. Неважно, когда он творил - пятьсот, тысячу, две тысячи лет назад — слово его живет. Выстаивается, крепнет, словно вино, и рождает поступок, намерение, желание. Может, это и есть бессмертие?

В простоте кроется глубина мысли и чувств, сила переживаний. Сделать из сложного простое и доступное — редкое и ценное умение. Пророки, мастера, творцы говорят просто, даже безыскусно. Но образы, которые рождает их перо или кисть — яркие, глубокие, западающие в душу. Излишние сложности утомляют, раздражают, наводят на мысль о некоей интриге, которой на самом-то деле и нет. Тяжелые, не простые для прочтения книги — угнетают, примитивные до слащавости — вызывают безразличность. Невольно возникает мысль: «что же хочет автор?» Для чего так много странных, непонятных слов? Чтобы еще раз читатель почувствовал себя дураком? Или другая крайность: автор так изысканно и виртуозно владеет словом, что читатель тонет, вязнет в нескончаемом потоке прилагательных, словесных оборотов, образов. Нагромажденные друг на друга, они грозят в любой момент рассыпаться, придавить. Неприятный момент. Отношения не сложились. Автор не понял и отвергнут.

Чем умнее, тем сложнее — кредо многих прозаиков, критиков, публицистов. Они пишут для себя или себе подобных, читатель остается за бортом. Один на один со сложными житейскими перипетиями, душевными неразрешимыми переживаниями, с горьким привкусом черных безысходных мыслей. Нужен ли, в таком случае, автору читатель? Сейчас много рассуждают о литературном русском кресте, когда авторов каждый день «полку прибывает», а читателей убывает. И в некой точке пересечения образуется крест. Не находя отклика внутренним переживаниям, неразрешимым вопросам, эмоциональной поддержки, читающий переходит в разряд пишущего для самого себя или просто бросает такую затею, как чтение. Без внутреннего компаса, без природной силы, без опоры на мудрость предков изо дня в день существуют писатель и читатель. Неистребимы эльфы и гоблины, бесконечны кровавые жестокие убийства, низкопробный дешевый гламур - вместо покоя и тишины, светлой умиротворенности, нравственных ориентиров, моральной поддержки, поиска ответа на извечный русский вопрос «что делать?». Завораживающий, глубокий, многогранный человеческий мир упрощен, низведен в своем существовании до уровня инфузории. Не интересен писателю человек, раздражает он его, утомляет, много на нем не заработаешь. Каждая клеточка, вздох, мысль, все переведено в денежные знаки. Чувства, подвиг, свершение, преодоление, внутренний поиск — растражированные и обесцененные — скучны и неинтересны. Веками собираемая мораль уступила место цинизму, пошлости, оркам и гоблинам. Доблесть пала. Качество переродилось в количество. Разрешено абсолютно все. Автор отвернулся от рода человеческого и обратил свой ясный оценивающий взор на сказочное племя гномов и леших. С упоением и восторгом он описывает жизненные будни эльфийской принцессы, невероятные приключения вампиров, с удовольствием перебирает, разглядывает нижнее белье власть предержащих, их подлые, грязные дела. Кажется, нет конца и края всем этим шиловым, правдивым, дощовым, мухным, распоповым, малиновским, пановым, чудовищным книжным сериям «Вкус вампира», «Темная любовь» и прочая, прочая. Будто все, что придумано автором, что вышло из-под его пера на бумагу — обрело самостоятельную жизнь. Того и гляди, из-за угла высочит вампир, а метро захватят эльфы, хотя для чего им это? И трупы, трупы, трупы. Поколение людоедов упивается торжеством смерти? Эпоха мертворожденных сеет зло, боль, предательство, вознося до ранга «нравственных» критериев. Главное, чтобы читатель не начал думать, «пишол схавает» уверяют людоеды с черной пустотой в глазах. В старых мудрых сказках говорится, что жизнь, правда, добро все равно победят смерть и зло. Но то в сказках, а в жизни...

Алчные люди, одержимые деньгами, придумали бизнес - превратили книгу в цветастый одноразовый фантик — прочитал и выбросил. Глагол больше не жет, не наполняет своим содержанием человеческий сосуд. Пустота и усталость в сердце читателя и писателя, связанных невидимыми узами. Бьются они в разнотой, порой напоминают о себе болью. Но не слышит, отмахивается автор — у него план — три, пять, десять книг в год — только бы успеть! Мельчают вкусы читателя, все меньше у него запросов, претензий, пожеланий к автору. Опасная, глубокая бездна непонимания пролегла между ними, холодом веет оттуда, гнилью. Все дальше звезды, синева, простор, все ближе мрак и черное дно. Свист в ушах, это падение. Камо грядеши?

Наташа СЕВЕРНАЯ

Павел Кашаев

* * *

Стихи имеют право горевать,
Когда они - не плод воображенья,
Имеют право боль одолевать
И догорать в огне самосожженья.
Стихи имеют право на любовь
И счастье настоящее, большое,
Когда волнами чувства плещет новь
И все слова написаны душою.
Стихи имеют право стать звездой
И осветить полночную дорогу,
Сразиться с неожиданной бедой,
С мольбою светлой обратиться к Богу.
Имеют право сотни гнезд свивать,
В полет стремиться, небесам поверить,
Но не имеют права забывать,
И предавать других, и лицемерить...
Твори, поэт, и просто жить спеша
Открыто, бескорыстно, не лукаво...
Но быть холодным фактом без души
Стихи не могут, не имеют права.

Белый лебедь на светлых прудах
Был почти что ручным... Приручили.
Не бояться людей научили,
Но беда, что с собой не в ладах
Появилось внезапно мурло
И, гармонию пьяно нарушив,
Обнажило никчемную душу,
Оставляя повсюду стекло
Недопитых, разбитых бутылок...
И прицельно, природе в затылок,
Полетели осколки стекла,
Чтобы ночь ничего не смогла
И помочь никому не успела...
Лишь луна над водой побледнела
Да осталась - зови - не зови -
Белоснежная птичка в крови...
А крыло, что осколком задето,
Словно флаг среди душного лета,
Где один на один с тишиной
Белый лебедь, почти что ручной...

Дзя Тененбаум

Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Юга и Востока Украины, член Регионального Союза писателей Приднпровья, дважды лауреат Всероссийского поэтического конкурса «С веком наравне».

* * *

**А я тебя забуду в день осенний,
Сбирая листья в парке городском
И в реку их бросая постепенно.
Не буду помнить больше ни о ком.**

**Ты веришь? Я глаза твои забуду.
Забуду вопреки своей мечте.
Я - взрослая, почти не верю чуду,
И у меня мечты давно не те.**

**И я порву случайные наброски
Тех быстротечных полудетских лет.
И из листвы осенней с цветом броским
Я принесу домой большой букет.**

**Но к нам придёт весна. За нею - лето, -
Упрёк невольный на мою беду.
И в томике любимого поэта
Засушенный листочек я найду.**

**И в этот миг я непременно
Всё то, что так хотелось позабыть.
Забвение - страшнее, чем измена.
Я не прерву связующую нить.**

* * *

**Я счастлива светом далекой звезды
И маленьких тучек причудливым строем.
Я рада нечаянной встрече с тобою...
Я счастлива осенью этой. А ты?..**

Волшебство и никакого мошенничества

Вчера мы с Мишей чинили забор. Десять лет забор стоял и никому дела не было до того, что он мало того что косой, так еще и половины жердей не хватает. Так зачем, спросите вы, нам понадобилось его чинить? Ответ прост, как всё гениальное – нам было скучно. Ничего нет нуднее летних каникул. Люди летом на моря едут, курорты посещают. А мои родители проблему с моим летним оздоровлением просто решают – отправляют на лето к бабушке. А что у бабушки делать, если у нее телевизор и тот до сих пор черно-белый. Кур я что ли не видел никогда? Или обожаю жуков с картошки обирать? И детей здесь раз два и обчелся: Васька-хулиган, с этим не то что играть, к нему подойти опасно; про Аньку я вообще молчу, она мне в дочки-матери играть предлагала. Хорошо хоть у Мишкиных родителей так же с фантазией туго. Потому мы забор вдвоем и чиним.

- Гвоздь! – требует Мишка и руку протягивает таким манером, будто не гвоздь просит подать, а даму на танец приглашает.

- Нате вам, - говорю я и элегантно кладу в протянутую ладонь гвоздь, еще и поклонился, как мушкетер короля.

- Щас мы тя забьём, - сообщает Миша гвоздю.

- Как мамонта, - добавляю я.

Мишка размахивается и... промахивается. Пока он прыгает и трясёт прибитым пальцем, я подбираю молоток и осторожно забиваю гвоздь.

- Ты неправильно забиваешь, - говорит Миша. – Надо с размаху! Раз! И всё!

- Я видел, как ты с размаху, - отвечаю я. – Я уж как-нибудь потихоньку. Вуаля!

Я улыбаюсь и демонстрирую нашедшую своё место новую планку.

- Так можно до вечера прибавить, - кривится Миша уже не от боли, а оттого, что у меня лучше получилось.

- Можно и до вечера, - говорю я. – Ты куда-то спешишь?

- Я до осени совершенно свободен, - отвечает Мишка. – Но я не собираюсь тратить лучшую часть своей жизни на починку забора!

- Вот те на! – удивляюсь я. – Ты же мне сам предложил.

- А теперь предлагаю этого не делать, - Миша смотрит на прибитый палец, который уже распух, и прячет руку за спину.

- А что делать? – я развел руками и напоказ огляделся вокруг. – Кота гоняли. В речке уже так накупались, что чуть чешуёй не обросли, Аньку дразнили. Чем еще заняться приличному человеку?

- Вот не хотел я тебе говорить, а придется, - сказал Мишка и с заговорщицким видом поманил меня пальцем, не тем, распухшим, другим. А когда я подошел, нагнулся к моему уху и жарко шепнул:

- У меня есть волшебная палочка!

- Да ну тебя! – отмахнулся я и пошел брать следующую планку. – Я думал, ты серьезно. А ты решил жизнь на глупые шутки потратить.

- А вот и не глупые! – сказал Мишка. – Я если захочу, могу махнуть палочкой, и этот забор сам починится.

- А ну-ка! – я отложил молоток и руки на груди скрестил.

- Вот еще! – фыркнул Миша и тоже руки скрестил. – Я из-за такой ерунды не буду палочку юзать.

- А на что будешь?

- Я еще не решил!

- А давай вместе придумаем, - предложил я.

- О! – обрадовался Мишка. – Это дело! На мыслительный процесс времени не жалко!

И мы стали думать. Оказалось, что Мишка давно уже думает, на что использовать волшебную силу, только всё никак не использует. Волшебником быть – очень ответственно. Так ведь и ход истории можно изменить. Превратишь, к примеру, Ваську в жабу. А вдруг он из хулигана вырос бы всемирно известным профессором и изобрел бы что-нибудь жутко важное? А ты его - в жабу! Комаров меньше станет, а прогресс остановится. И Аньку-ябеду в таракана тоже нехорошо превращать. А вдруг она будущая мать известного разбойника, вроде Робин Гуда? Или президента! Даже Алкаша дядю Толика нельзя в свинью превратить. Он и сам в нее скоро превратится. Нелегко быть всемогущим!

- А давай я молоток так заколдую, что он по пальцам бить не будет, а только по гвоздю, - предложил вдруг Мишка.

- А давай! – согласился я.

- Я мигом!

Мишка сбежал домой и притащил волшебную палочку.

- А с виду и не скажешь, что она волшебная, - сказал я. – Обычная тополиная веточка.

- Мало ли, - ответил Миша. – На вид и бабе Шуре лет восемьдесят, а на самом деле уже восемьдесят пять.

- Хорошо, - не стал я дальше спорить и протянул Мишке молоток. – Тогда заколдуй его.

- Щас!

Миша закрыл глаза, сосредоточился, аж покраснел, взмахнул палочкой и...

- Всё, - сказал Миша, – молоток заколдован.

- Так просто?

- Так ведь это ж волшебство. С ним всё просто.

- А как узнать, что молоток теперь волшебный?

- Очень просто, - пожал плечами Миша. – Ударь им по пальцу. Волшебный – по пальцу не попадет.

Я с сомнением покрутил молоток.

- А можно по твоему пальцу?

- Нельзя, - покачал головой Миша. – Только по своему. Да ты не бойся, не попадешь. Я ж его заколдовал!

Я посмотрел на свои пальцы и понял, что придется поверить Мишке на слово.

- Раз он волшебный, так я теперь быстро забор починю и пойдем на ферму в тореадоров играть, - предложил я.

- Здорово! – согласился Миша. – Ты чини, а я пока подумаю, что еще можно заколдовать.

С волшебным молотком дело спорилось. Я вбивал гвозди за один, максимум на два удара. Вскоре забор стал, как новенький. А по пальцу я себе таки стукнул, но уже в самом конце работы. Мишка сказал, что это магия кончилась. Но это ничего страшного. Когда мы будем еще что-нибудь чинить, Мишка снова молоток заколдует.

Юрий ПУСОВ

Павел Кашаев

Поэт, художник, журналист, член МСПУ, МСПС, Национального Союза журналистов Украины, лауреат литературных премий имени Дмитрия Кедрина, Владимира Сосюры и Владимира Даля.

Родился 3 августа 1948 года в столице Каракалпакии Нукусе. В эти края семья Могилевских была эвакуирована из Симферополя в начале Великой Отечественной войны. Любовь к литературе и искусству передалась от родных. 2 июля 1963 года в газете «Пионер Востока» было опубликовано стихотворение «Летят голуби», которое впоследствии вошло в книгу «Солнечная ниточка».

Профессию филолога получил в Костромском Государственном Педагогическом университете имени Н.А. Некрасова. Четверть века трудился в системе народного образования и все это время занимался журналистикой и поэзией.

Автор многочисленных книг.

Четыре книги переведены на украинский язык поэтами - Иваном Куликом, Ниной Погореловой, Наталкой Никулиной, Вадимом Третьяком, Константином Чернышовым, Владимиром Варнавским и Людмилой Черкашиной. В содружестве с композитором Валентиной Кондратьевой написано около ста песен для детей и взрослых.

* * *

**Среди осени продрогшей
облетает лист последний...
Он - судьбы усталый росчерк,
но не ветром огорошен
Лета быстрого наследник.
Вспоминается невольно
Все, что стало днем вчерашним.
Быть последним - вот что больно,
Быть последним - вот что страшно...
Лишь зима вздохнет довольно.
Впрочем, ей-то безразлично
ветра взбалмошное рвенье.
Ляжет снег совсем обычно,
воцарится безгранично
И листву предаст забвенью
до весны, когда лучами
Приоткроются поляны
и осенние изъяны,
И забытые печали,
словно их - не замечали...**

* * *

**Нам времени с тобой недостает,
Часов, минут чертовски не хватает...
Опять за поворотом - поворот,
А жизнь, как жизнь, торопится вперед,
Быстрее, чем гордый Феникс улетает
туда, где ничего не изменить,
Где нет сомнений, поисков напрасных...
Осталось только вечность подчинить,
Чтобы счастливый миг остановить
И сразу ощутить,
что жизнь - прекрасна!**

* * *

**Всю ночь гроза рычала зверем,
как будто невысокий терем
Разбить хотела, торопясь...
Шипели молнии, ярьась,
Дождь непроглядною стеною
стоял в окне передо мною.
Вдруг показалось, что вот-вот
Строенье превратится в плот,
и - не исправится ошибка...
Но в тот же миг твоя улыбка
Лучом веселым снизошла
и терем, и меня спасла...**

ТРАМВАЙНАЯ ИСТОРИЯ

Как хочешь понимай, переживай
Или воскликни: «Выдумка поэта!»,
Но мне однажды встретился трамвай
С глазами, как твои, морского цвета.
Веселым колокольчиком звеня,
Спешил своим проверенным маршрутом,
А, заметив грешного меня,
Сошел с привычных рельсов почему-то.
Не вздрогнул город, не ударил гром,
Когда вразвалку, явно по-матросски,
Он подошел к набитому добром
Ближайшему торговому киоску.
И «Фанту» взял, чтоб жажду утолить,
Не обращая должного вниманья
На то, что я, не ведая - как быть,
Смотрел на это, затаив дыханье.
И, ревности охваченный огнем,
Подобного не зная беспредела,
Заметил вдруг, что ты сидела в нем,
Но видеться со мной - не захотела.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

**Последняя любовь -
что это - наважденье,
Неповторимый миг,
отчаянный полет?..
Не в силах объяснить
напрасные сомненья
Осенняя пора вопросы задает.
Откуда череда свиданий, ожиданий,
С желанием запеть,
весь мир благодаря...
Последняя любовь не терпит
опозданий,
Не глядя на часы и дни календаря.
Рассветы холодной
и в тишине морозно,
И хочется успеть к желанному костру...
Уверовать в любовь
нам никогда не поздно,
Не принимая больше
чувства за игру.
Дрожит багряный лист,
на сердце чем-то схожий,
В прожилочках его
горит живая кровь...
А все-таки душа становится моложе,
Когда приходит вдруг
последняя любовь.**

Пусть Время говорит:
«Природа своенравна»,
Но, встретившись,
своей душе не прекословь,
Поскольку видит Бог,
что вовсе не бесправна,
Хозяйка - не раба —
последняя любовь.

Благовари судьбу,
прими подарок света,
Когда лишь вам двоим
не нужно громких слов.
Есть пламя и восторг,
и терпкий привкус лета
В бокале золотом
с названием —
Любовь!

БАБА ВЕРА

**За окошком снег белейший,
у него - премьера.**

**Показалось, что неспешно
вышла баба Вера.
Вышла, опершись на палку,
по двору проходит...
Как всегда, она заботу
новую находит.**

**Говорит: «На рынок надо
и в аптеку тоже.
Не болеть была бы рада,
вряд ли кто поможет...»
Показалось, я услышал,
продолжает грустно:
«Дорожают на «Озерке»
масло и капуста.**

**Яблоки - не подступиться,
и морковь, и свекла...
Богачи из «Мерседесов»
смотрят через стекла...
Кто им - ветхие старушки,
деды-инвалиды?
Дать «бомжонку» на ватрушку
могут лишь для вида.
Ой, ты, боже мой, забыла!..
Что там зашипело?
Я же холодец варила -
видно проглядела...»
И направилась в домишко...
Скрипнула калитка...
На снегу лежать осталась
легкая накидка -
Бабушкин платок недавний,
что поднять не в силах...
Окна - к солнцу, мир без ставней
был старушке милым.
Вспомнилась ее улыбка:
«Вроде все неплохо...
Вот однажды подарили
вещь из «Хэнде хоха».
«Хэнде хохом» «Сэконд хэнды»
в шутку называла...
Жаль, таких, как баба Вера,
остается мало...
И уносит речка Лета тысячи
дыханий...
Снег летит над белым светом -
цвет воспоминаний.**

* «Озерка» - центральный рынок в Днепропетровске

Наталия Мавроди

Да и нет

Давно известно — не секрет:
Ко всем нам поздно или рано
Все наши «да» и наши «нет»
Вернутся метким бумерангом.

Вершит невидимый Судья
Свой суд бесстрастно-справедливый,
А жизни быстрая ладья
Несет сквозь годы, что есть силы.

Все «Отчего?» и «Почему?»,
«За что нелегкая судьбина?»
Видны без грима лишь Ему,
Он знает следствиям причины.

На перепутье трех дорог
Извечно «да» и «нет» терзают,
И трудно преступить порог,
И неизвестность истязает.

Но вновь пылает вечный Рим
И конь троянский побеждает —
Несчастьям не найдем причин,
А может, не хотим?

Кто знает...

Пока можно изменить

Ложатся дни строкАми в книгу,
Слагая жизненный сюжет,
Судьба нежданностей интригу
Вплетает в разноцветье лет.

Сомнения, споры, упования,
Слова любви и детский страх
В библиотеке Мироздания
Хранятся в Вечностных шкафах.

И лишь однажды, на излете,
Когда замрет последний вздох,
Роман свой жизненный прочтете,
Сжав до мгновенья даль дорог.

И все предстанет так, как дОлжно,
Без ухищрений и прикрас,
Что было хитростно, подложно
Проступит лакмусом тотчас.

И будет горько и обидно,
Когда в дань моде и молве,
Себя не раз предав постыдно,
Вновь дрейфовали на волне.

Все не свершенные геройства
Остались в радужных мечтах,
Собой ли, кем-то недовольства
Осели грузом на плечах.

Но это — позже, ныне ж в книгу
Ложится четких строчек нить,
И мы сюжетную интригу
Пока что можем изменить...

Женская тайна

С.Б.

Душевную женскую тайну,
Увы, никому не понять,
Когда вдруг услышат случайно
Себе она шепчет: «Стоять!».

«Стоять!» - улыбаясь невзгодам,
«Стоять!» - слезы щиплют глаза,
«Стоять!» - вопреки непогодам,
«Стоять!» - когда в сердце гроза.

Вот так и стоит улыбаясь,
Держа независимый вид,
Сомненьем душевным терзаясь
И спрятав от всех «что болит».

Подумают: «Ей-то, что нужно?
При ней все — не дать и не взять,
Судьба ей, похоже, послушна,
Не жизнь, а одна благодать».

Но только лишь Богу известно,
О чем она ночью не спит,
Для всех остальных — «Все чудесно!»,
На том вот она и стоит.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

А. Кравченко

От этого места, за городом, до нашей дачи, официально именуемой садово-огородным участком, рукой подать.

Воскресный осенний день был пасмурным, но теплым. Шел мелкий дождичек. Такой мелкий, что его можно было не замечать однако, я раскрыл зонт и пошел на дачу.

Тропа пролегла мимо какого-то государственного предприятия, отделенного от внешнего мира надежной оградой. Нижняя ее часть наглухо зашита сплошным листовым железом, средняя — металлическая решетка, и верхняя — пять рядов колючей проволоки, напоминающая места не столь отдаленные.

На углу ограды, с внутренней ее стороны, рос высокий многолетний тополь, с шикарной кроной. Тополь всегда еще издали привлекал мое внимание. На этот раз под тополем, с наружной стороны ограды, мокла под дождем собака, что для меня показалось весьма странным. Собака будто ждала кого-то и при моем приближении виновато-просительно смотрела на меня.

— В чем дело, собака? Что ты тут делаешь? — спросил я, поравнявшись с ней. — Зачем мокнешь? Иди в будку и спи. День, видишь какой?

Будка у нее, наверное, есть. Собаку эту иногда вижу выбегающей из дверей проходной предприятия. По-видимому, здесь ее содержат и неплохо кормят. Во всяком случае, на бродячую собаку не походит.

Горбясь от досаждавшего дождя, собака проводила меня долгим взглядом, особого значения которому, впрочем, я не придал. Но про себя отметил, что собака не сдвинулась с места, будто прикованная.

Я продолжил идти своим размеренным шагом, и вскоре на моем пути замаячили дачные участки.

На даче пробыл недолго. Положил в хозяйственную сумку свежие, с грядки, овощи, за ними пришел сюда, навел на веранде, как посчитал, нужный порядок — переставил с места на место садовый инвентарь и с хорошим настроением отправился назад.

Приближаясь к дереву, увидел собаку на том же месте.

— Как, — удивился я, — ты вот это целый час мокнешь под дождем?

С тобой, собака, все в порядке? — Глядя на нее, стал догадываться, что ее умные глаза о чем-то говорят. О чем? — Собака, — подошел я к ней вплотную, — тебе нужна помощь? — Собака не отступила ни на шаг. — Что случилось, собака?

И вдруг я услышал тонкое пронзительное кошачье мяуканье! Сразу даже не понял, откуда оно исходит. После временного замешательства, будто кто подтолкнул меня, взглянул вверх и обомлел! На длинной тонкой ветке тополя, судорожно, всеми четырьмя лапами вцепившись в листья, висел ярко рыжий котенок! В груди моей похолодело! Сколько же это времени он висел? Неужели висел и тогда, когда я шел на дачу? Но я ничего не слышал. Или такой невнимательный, или котенок молчал?

— Ты, что там делаешь? — крикнул я котенку.

— Как ты туда попал?

— Это ты его туда загнала? — спросил сурово собаку.

— Что же теперь делать? Как быть? Ты хоть что-нибудь соображаешь, как его оттуда снять?

Собака переводила взгляд с меня на котенка и с котенка на меня.

Как долго висел здесь этот несчастный котенок? И все-таки висел он, когда я шел на дачу? Неспроста ведь собака еще тогда мокла под дождем. Но с той минуты прошло уже более часа! Мне стало не по себе. Уйти, оставить котенка на произвол судьбы я уже не мог. Котенка надо было спасать. Как? Не лезть же по ограде. Мой поступок, при отсутствии свидетелей, не что иное, как посягательство на государственную собственность. Доказывай потом, что мной руководили гуманные побуждения. А вокруг, как назло, ни одной живой души! Даже всегда переполненная автомобилями главная выездная из города дорога на этот раз отдыхала от них, что было крайне редко. На территории предприятия никого из охраны! Куда они все запропастились?

Котенок отчаянно звал на помощь.

Что обо мне подумают сторонние наблюдатели, если они появятся, мне было уже все равно. Я поставил в сторонке сумку с овощами, свернул, бросил на траву зонт и... полез! Полез по мокрой металлической стенке, по решетке с одним единственным желанием помочь котенку.

После решетки шли ряды колючей проволоки. Котенок висел надо мной, но для меня оставался недосыаем. Я протянул к нему свободную руку, уцепился ею за крайние листочки ветки, и стал просить котенка опуститься чуть ниже, чтобы я смог взять его. Котенок не понимал моих добрых намерений.

Я неустойчиво стоял на вершине решетки, второй рукой едва придерживаясь за стойку. Надежной опоры у меня не было. От напряжения ноги начали устывать.

Сознавая бессмысленность и беспомощность своей затеи, я решился на отчаянный шаг: резко выпрямился и схватил котенка за заднюю лапу. Котенок дернулся, лапа выскользнула из моей ладони и он, невероятно как, карабкаясь, очутился выше прежнего, да так, что достать его мне уже не было никакой возможности.

— Ты, что делаешь? — вскричал я, едва успев схватиться за опору и с трудом удержаться на своем месте.

— Слазь, говорю тебе, вниз! Бестолочь!

Совершенно не понимая меня и напуганный мной котенок, запищал еще громче, еще отчаяннее.

Оставить свое занятие мне почему-то в голову не приходило. В тот момент нас было трое: котенок, я, да, пожалуй, еще моя судьба.

То, что произошло, не понимая до сих пор, как это случилось? Сжимаясь, я начал медленно приседать, мышцы мои напряглись, внимание обострилось, я походил на хищника, который приготовился к молниеносному прыжку на выбранную жертву, и, с силой оттолкнувшись от ограды, взвился так высоко, что ладонь моей руки прошив гущу тонких веток и листьев, мертвой хваткой вцепилась в мягкое тельце котенка! Котенок заверещал пуще прежнего, а я на какое-то мгновение завис над землей и не имея под собой опоры, начал свободно, с ускорением, падать навзничь. Влекомый мной котенок с трудом отрывался от ветки дерева, оборванные листья градом сыпались мне на лицо, а я, широко раскинув руки, падал не в силах что-нибудь поправить. Последнее, что я увидел перед своим приземлением, клочок бесцветного неба.

Достигнув земли, я тут же вскопчил, — трава-то мокрая, — первое, что пришло мне в голову и мой пиджак будет иметь неприглядный вид!

Котенка в руке не оказалось. Не оказалось его и вокруг меня.

— Ты где? Куда подевался? — котенок не отозвался. С испугу умчался, небось, куда-нибудь. — Ишь, шустрый какой! - Впрочем, он меня уже не интересовал. Слава Богу, все закончилось благополучно! Собака еще некоторое время постояла и когда убедилась, что со мной все в порядке, спокойно, не спеша пошла в сторону проходной предприятия.

Я снял пиджак, осмотрел его, он не пострадал, поднял зонт и подошел к сумке.

— Брысь! — крикнул я, — брысь! — котенок удобно расположился на овощах и глядел на меня невинными глазками. — Как ты сюда попал? Здесь тебя еще не хватало! Нет, нет, иди домой, — сказал я, доставая котенка из сумки. — Иди, откуда пришел. Тебя, небось, уже ищут.

Юрий ЦЫГАНКОВ-СЕРЕБРЯКОВ

Светлана Тишкина

Предостережение!

Не дай нам Бог забыть года лихие —
Войны урок и цифры жертв сухие!
Отечества свободу отстаивали,
Величества страны не променяли

На жизнь свою и рабства полоненье.
Прожить в бою последние мгновенья
Вы предпочли... тем славу заслужили,
Сквозь «ад» прошли —
победа стала былью!

Пример Отцов — великий подвиг духа!
Не хватит слов, бессильна тут наука,
Чтоб описать эмоции сраженья,
Не испытать нам страха поражения!

Представить, что войну мы проиграли
И Русь — ничто... ее не защищали,
Нельзя никак! В традиции народа —
Себя в кулак, раз дорога свобода.

Вперед и в бой! За Родину святую!
Здесь каждый «свой» за истину простую:
За дом родной, за счастье поколений!
Какой ценой? Без торга и сомнений!

Забывать о вас, погибшие, живые —
Предать тот час, когда в сороковые
Под танки шли... Погибли мил-ли-о-ны!
Те, кто дошли, кто выжил,
слышал стоны.

И стоны те достойны поклоненья!
Живущим всем, как предостереженье:
Не допустить кошунство и забвенье —
Предотвратить войны той повторенье!

Живи да радуйся

Живи да радуйся,
Что мешает?

К лицу природе

Любые шали:

Зима — в алмазной,

Белеют нивы,

В них серебрится

Свет-тень игриво;

Весною юной —

Шквал изумрудов

Да первоцветов —

Живое чудо;

В цветастом лете —

Сплошь самоцветы,

От спелых ягод

До звёзд в букете;

В осенней шали —

Златые дали,

Рубины — в россыпь,

Узор соткали.

Живи да радуйся!

Что мешает?

От созерцанья

В душе светает.

Обнов сезонных —

Не счесть... куда там!

Кто не считает —

Живёт богато.

Да что вы, что вы!

Какие банки?

В них бриллианты

Не той огранки.

Наши птицы

Наши птицы, мечтая о стае,
Одинокими в небе летают,

В облаках вдохновенной опары
Ищут им подходящие пары.

Как найдут, размножаются в стаю,
Приземляются там, где читают.

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ

Родилась в Москве в семье деятелей науки. Закончила театроведческий факультет ГИТИС им. Луначарского. Автор нескольких сотен публикаций в прессе. Вошла как персоналия в энциклопедию «Русский балет» (БСЭ, «Согласие», 1997). Автор документально-художественных книг: «Сергей Захаров. Роман-биография» (Вест-Консалтинг, 2009) и «Сценарий для богини. 11 сенсационных историй о любви» (РИПОЛ Классик, 2009). Одна из авторов сборника исторических новелл «Русские богини» (Аст-Пресс Книга, 2005, 2007, 2010). Автор книги стихов «Февральские цветы» (Вест-Консалтинг, 2008) и 17 поэтических сборников в соавторстве (Поверенный, 2007 - 2009). Одна из авторов-составителей сборников стихов «Поэзия творчества» (Поверенный, 2008) и «Загадки души» (Поверенный, 2009). Победитель поэтического конкурса интернет-журнала «Эрфоль» и конкурса «Новые имена» в номинации «поэзия» Международного Союза писателей «Новый современник» (2008). Лауреат Всеукраинской Независимой литературной премии «Арт-Киммерик» (2008). Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец» (2008, США). Лауреат Международного литературного фестиваля «Русский Stil- 2009» в номинации «стильная проза». Член Союза писателей России и «Союза писателей XXI века». Награждена премией и медалью им. А.П. Чехова «за верное служение отечественной литературе».

ПИАНИСТ

Ещё Шопена мне сыграй,
Пусть звуки приподнимут душу,
Преобразят земную сушу
В далёкий невозможный рай.
Весь мир тобою изменён
Движеньем точным гибких пальцев,
Неуспокоенных скитальцев
В октавах призрачных времён.
Затеяв звучный разговор,
Ты мне нечаянно подаришь
Смятение чёрно-белых клавиш,
Их равновесие и спор.
Пусть звуки царствуют и длят
Мгновение блаженной сути,
Где век тождественен минуте,
Где нас когда-нибудь простят.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Унизаны кольцами пальцы,
Браслеты звенят серебром,
Волос, разлетевшихся в вальсе,
Касается Ангел крылом.
Подобно мятежным кометам,
Стремясь из родного гнезда,
Ты снишься влюблённым поэтам,
Марина, морская звезда.
Ещё не написаны строки
Про жаркую горькую гроздь,
Но кем-то отмерены сроки,
И в стену впивается гвоздь.
Всё ведаёт Божия птаха,
Отправившись в вольный полёт:
Что ей уготована плаха,
Что шею петля захлестнёт.

Я НЕ ВИЖУ ТЕБЯ ВО СНЕ

Я не вижу тебя во сне,
Я домой не несу цветы,
В этой трижды пустой Москве
Забываю твои черты.
В веренице бегущих дней
Растворяется тайна двух.
Я прошу: назови своей
Хоть вполголоса, хоть не вслух.
К чуть подмёрзшему витражу
Осень льнёт расписной листвою.
Не своя, не твоя брожу,
Хоть на миг ты меня присвой!
А иначе — ни жизнь, ни смерть,
Ты ведь знаешь — я всё отдам,
А иначе — ни синь, ни твердь,
Вот и маюсь — ни здесь, ни там.
Оттого так невесел взгляд,
Оттого не найдёт покой
Это сердце, что век назад
Ты согрел под своей рукой.

ПОДРУГА-ОСЕНЬ

Не грусти, подруга золотая,
И не верь предчувствию беды.
В низком небе птицы, улетаю,
Оставляют лёгкие следы.
Осень, не жалею о невозвратном,
Всё идёт извечным чередом.
По утрам в густом тумане ватном
Плавают прохожие с трудом.
Успокойся, отдохни немного
От весёлой летней кутерьмы —
Предстоит нам долгая дорога
В царство заколдованной зимы.
Время есть поразмышлять о вечном,
Звёздная спустилась пелена...
Осень, скоротаем этот вечер
За бокалом терпкого вина.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ЦВЕТЫ

Мы встретились в концертном зале —
Летели над Невой мосты,
И розовым огнём мерцали
Февральские цветы.
Скрывался день неровным бегом
В заснеженном пустом дворе,
И сумерки сплелись со снегом
В причудливой игре.
Сгорал в объятьях ночи запад,
И стебли влажные цвели,
Изнемогая от внезапно
Нахлынувшей любви.

МНЕ ЖАЛЬ

Мне жаль, что кончились слова
Твоей любви.
Но я по-прежнему жива,
И ты — живи.
Мне жаль, что жар всё холодней,
Всё реже пульс...
И мне, наверное, видней, —
Я не вернусь.
Ни в чем признаться не хочу,
Одна, в ночи,
Я затаилась и молчу,
И ты — молчи.
История, как мир, стара —
Сбежать от встреч,
Ведь мимолётная игра
Не стоит свеч.
Не развернуться кораблю
Да на мели...
Чтоб всё простилось нам, молю,
И ты — моли.

С ДЕРЕВЬЕВ ЛИСТЬЯ ОБЛЕТЕЛИ

С деревьев листья облетели,
Но, по-особому права,
Назло кружащейся метели
Сияет зеленью трава!
И, не стеснясь голых веток,
Над ним сомкнувших потолок,
К едва пробившемуся свету
Упорно тянется росток...
Так и душа — в последнем рвенье
Ещё немного доцвести
Лелеет каждое мгновенье
В разжатой времени горсти,
Не хочет верить близкой стуже
И полумраку тяжких дней,
Затягивает пояс туже,
Чтоб быть, как девочка, стройней.
Так весела морозной ранью!
Так молода в своей мечте!
Сопровитываясь умиранью,
Оцепененью, темноте...

Вячеслав МОРГАЧЕВ (Шлейф)

Живёт в Москве. Искусствовед, закончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина Российской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Основная деятельность: охрана культурного наследия, музееведение. Творческая деятельность: поэзия, публицистика, литературное редактирование, фотография, подборка в живописи. Основные поэтические печатные издания (персональные сборники): «Блики» (изд-во «Информ-Знание», М., 1999), «Шлейфы» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000), «Рось» (изд-во «Утро-Morning», М., 2000). Работает в Российском комитете Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест ЮНЕСКО.

парусiа

Вой, ветер вольный, по Руси... я -
звон колокольный, веры бой
незримо длится ... Парусия,
судьба осознана тобой?

Не раз истерзана Россия...
Зов издан ангела трубой,
цель обозначит Парусия,
простор небесно-голубой.

Тяжёл вселенский крест России,
пути теряются во мгле,
надежда светит Парусии,
ассист сияет на игле.

Воспрянет Радости Россия
в порыве к Правде, с давних пор
белеет парус ... Парусия,
добра и зла закончит спор.

ЗАЧЕМ

хранить хрусталь
разбитых луп,
закрывать уста ль,
поджать ли хлуп?

* * *

Любовь спортивно-деловая,
где трон отверженной души,
зачем твержу вражды слова я
из поэтической глуши?

Зачем растрachu, Ра, талант
на блеск сомнительных созвучий,
не лучше ль было, как атлант,
стиль удержать стиха певучий?

Зачем невидимые цели
волнуют вольного стрелка,
зла потолки в росе просели,
река забвения мелка?

Зачем зову тоску, клошар,
волк одинокий, в холод воя,
держа в руках, как кукла, шар —
плод одичавшего подвоя?

Зачем веду я скорбный список
души израненной потерь,
шкодливый кот у ржавых мисок,
зря ждущий жаренных тетерь?

зачем последняя любовь,
моя прощальная награда,
вернешь сгоревшее ли вновь?
Пришло письмо из Небограда.

* * *

Дай мне надежду напиток,
скорби с души соскобли,
счастья шального крупница,
к Небу плывут корабли.

САБЛЯ

“Перерублено тело,
и за конницей пыль,
мы за правое дело...”
Жгучей водки бутылъ,

скрип сапог иступлённый,
тесной комнаты мрак,
пьёт старик озлоблённый,
курит жадно табак.

“Юнкеров мы рубали
на скаку пополам,
а курсисткам воздали
по их бабским полам...”

Отупело и дико
смотрят в пропасть глаза.
“Вот поди, упреди-ка,
навернулась слеза...”

Окровавленной сабли
рукоять на стене,
и скребут руки-грабли
кучи трупов во сне.

Спасительную благодать
меешь простирать,
своих братоубийц,
мать-Россия, прости рать.

КАРИЛЬОН

Объявлено - идёт «закат Европы»,
и претов прочих участь не проста,
у парашюта перетёрты стропы,
звезда восходит торного креста,

рубеж омега занят обороны,
в огне бесцельно бродит почтальон,
погибли в битве верные бароны,
к Луне ушёл последний батальон.

Обречены гвардейские резервы,
бесчисленны лакеи «сотоны»,
зря расплодили толпы филлоксер вы,
отряды ждут небесной астаны,

когда пойдёт предсмертная минута,
за наши души стихнет, асса, бой,
над головой поднимет Камень Ута
и поведёт поэта за собой.

* * *

Разрушен храм в Кальтабелотте,
ключи сакральные в болоте,
следы бессрочного коллапса
не описать под рюмку шнапса,

трава засохшая в крови,
напрасно души не трави,
скрыт лунный путь, луга душисты,
пошли на смерть ни фетишисты.

Ешь поминальные блины,
в кольце огня истреблены,
но прорвались в бою без даты
к тропе убитые солдаты,

небесный плод засох в зачатке,
в крови зеленые перчатки,
срок испытания продлён,
ушёл погибший батальон.

* * *

“Кропать стишки - что за причуды
в преддверии космической резни”,
“исчерпан рок писца-зануды,
с травинки каплю радости слизни,

в душе проделай харакири,
себя забудь, весь мир приобрета ... “
поэта путь - как по секире
к Луне идёт наивное дитя,

уже сданы последние редуты,
на пустоше воскресший батальон,
черёд придёт карающей минуты,
и прозвучит победно карильон.

Оставь игру, себя не переспорить,
вставай с мечём — орла оплата бой,
пора коня понурого прищпорить,
и полетит победа за тобой!

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Родилась и живёт в Москве. По образованию инженер-физик, окончила Московский энергетический институт. В настоящее время занимается психологией в Школе Причинности, основанной доктором философии В.П.Гочем, нумеролог. Член Союза писателей России, творческого совета Международной Ассоциации граждан искусства (МА.Г.И.), Союза писателей XXI века. Является автором книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011)

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

После дня вечернею порой,
Под защитой собственного рая,
Как паломник путь я совершаю
Следом за бессмертною строкой.

Пролегла морщинка меж бровей,
С шорохом странич ушла усталость,
Нет поэта, а душа осталась,
В тишине беседует с моей.

Принимаю исповедь стихов,
Я сама невольно очищаюсь,
Плачу и смеюсь, а после каюсь,
В этот миг я ближе к ним всего.

Проникает сквозь меня поток,
Связь времён, стараясь не нарушить,
Я в ответ записываю душу
В строчки, что ложатся на листок...

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ЧЕРНОВИК

По вертикалям старых стен
Стекают капли белой соли,
Так много подлости, измен,
Ещё невыплаканной боли.
Так много «взрослых» детских глаз,
Следов от пуль, достигших цели,
А сколько слов, красивых фраз
Не дописали, не допели.
Как жизнь с обратной стороны
Луны, похожей на монету,
Или защитные очки
От правды солнечного света.
Цена всему — фальшивый грош,
Здесь правят тени, а не люди:
Всё поглощающая ложь
Психически незрелой сути.
Предсмертный сон уже проник,
Там за пределом продолженье,
Но не сгорает черновик
Несовершенный, к сожаленью...

Я НЕ ВЕРЮ В СЛУЧАЙНОСТЬ

Л.М.
Ты прости меня, милый,
Что я мало любила,
Что скупилась на ласку
И была холодна.
И за мелочи жизни
Очень часто корила,
Выпивая обиды
До самого дна...
Ты прости, дорогой,
Если сильно любила,
Если в страсти сгорая,
Забывала себя.
И открытое сердце,
Как надежду, дарила,
Согревая в холодной
Разлуке тебя...
В прохладной суете
И в исканьях порою
Жизнь людей так похожа
На шумный вокзал.
Я всё больше тоскую,
Расставаясь с тобою,
Словно поезд отходит,
А ты опоздал...
Может, мы разгадали
Какую-то тайну,
Проникаясь друг другом,
Или просто срослись.
Понимаешь, любимый,
Я не верю в случайность,
Мы как две половинки
В этом мире нашлись...

НЕИССЯКАЕМАЯ ЧАША (романс)

Есть женщины, как праздник,
есть, как грусть,
Пытаюсь выбрать между, середину,
Уже тебя я знаю наизусть,
А ты открыл во мне лишь половину.

Есть женщины, как лето, как зима,
Всегда стараюсь выглядеть весною,
Найти любовь я всё-таки смогла
Средь миллиона не моих историй.

Есть женщины, как танго,
есть, как вальс,
Ах, как непросто быть всё время
в такте,

Мне всё равно, что думают о нас,
Всё суета, пустой кураж на старте.

Есть женщины - пустыни, есть - дожди,
Но ими мир обласкан и украшен.
Я рядом, ты храни меня, храни
Свою неиссякаемую чашу...

ОТПУЩУ Я ЛЮБОВЬ

Отпущу я любовь
В жёлтый цвет, заглушающий
гордость.
Пусть она не боится
Порывов холодных ветров,
И подарит для всех
Фотоснимки, ушедшие в молодость,
И поможет заблудшим
Найти свой единственный кров.
А как только стемнеет,
Ей снова захочется к дому,
Босоногой беглянкой
Пускай возвратится ко мне.
Над лампадкой души
Улыбнётся ей образ знакомый,
И любовь восстановит
Ушедшие силы вдвойне.
А потом мне расскажет
Про жизнь и про разные встречи,
И как даром в пути
Научилась собой дорожить.
Мы, до самого утра
Ведя бессловесные речи,
Отогреем разлуку,
Что нам довелось пережить...

ОБНАЖАЮТСЯ КРОНЫ ДЕРЕВЬЕВ

Обнажаются кроны деревьев,
Покрываются корни листвою,
Осень нежно поникшие ветви
Раздевает незримой рукой.

Бродит тихо походкой усталой
Каждый день, поправляя наряд.
Рядом с домом цветы запоздало
Фиолетовым цветом манят.

С позолотой уходят сомненья,
Очищается небом вода,
И всё тоньше идут ощущения,
Раздвигая границ берега.

Жаль, за жизнь красоту не измерить,
Грустным клином зовут журавли,
Но всё больше желание верить:
Мир без нас не лишится любви.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Заморожены окна,
а девочка в старом трамвае
Греет пухлой ладошкой
шершавого инея слой,
Но короткое имя
с теплом слишком медленно тает.
Сколько прожитых лет
пронеслось между ею и мной...

Ровно столько же зим,
от дыханья покрытых туманом,
Где тетрадкой в клетку
оставленный санками след,
Где немеют от стужи
замёрзшие пальцы у мамы.
Навсегда ухожу в белизну
загрязнённых лет...

Рассыпается снег и хрустит
замороженной пеной,
Пахнет воздух с утра принесённым
с мороза бельём.
На трамвайном стекле вновь
читаю короткое: «Лена»
И любуюсь Москвой,
как забытым старинным холстом...

СВЕТЛАНА ОС

Родилась 11 марта 1970 года в городе Полярные Зори Мурманской области в семье военного лётчика. В 1985 году переехала с родителями в Курск, где в 1991 году окончила филологический факультет Курского государственного университета. В настоящее время живёт в Москве. Сотрудничает с рядом московских издательств в качестве автора стихотворных текстов. Неоднократно была лауреатом и призёром поэтических конкурсов. Член Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века и Творческого Совета МАГИ. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный Стрелец». Стихи были напечатаны в многочисленных сборниках, литературных альманахах, периодических изданиях в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. На некоторые из них написаны песни.

ЛЮБИМАЯ КУКЛА НАСЛЕДНИКА ТУТТИ

Во взгляде её — непробудная осень...
Окликнешь — исчезнет,
ответишь — не спросит.
Застрав меж обычным и необычным,
Слепа, бессловесна, глуха изначально,
С рожденья живёт,
как в сиротском приюте,
Любимая Кукла наследника Тутти.

Две горстки пластмассы, опилок и лака —
Она научилась смеяться и плакать,
Менять направление и скорость движенья
Нажатием кнопки под стать окружёнью —
Живая на вид, неживая по сути
Любимая Кукла наследника Тутти.

Под действием токов, полей и инерций
Надломлен каркас, остановлено сердце,
Грим вышел, одежда давно истрепалась...
И, проще бы, выбросить то, что осталось,
Но всем несказанно привычна до жути
Любимая Кукла наследника Тутти.

Теряясь в потерях, рассеянность сея,
Она среди всех, как всегда, не со всеми.
Под страхом расправы усвоен Одними
Запрет при Других называть её имя...
Но помнят в Париже,
в Москве и в Бейруте
Любимую Куклу наследника Тутти.

ЧЕРЕЗ ЧЁРНЫЙ ХОД

Проведи меня в зал через мрак и свет,
Через плач и смех, через чёрный ход,
Через гулкие, пыльные skleпы лет,
Промелькнувших и канувших
в свой черёд.

Там, где «Да» или «Нет» тяжелей вериг,
А молчанье разбито на звук и слог,
Что не длится века — умирает вмиг,
Что не стало ветрами — ушло в песок,
Что не смоем водой, то сгорит в огне...
Для Прекрасного —

мир и постыл, и мал,
И оно существует не В НЁМ, а ВНЕ —
Отражением мутных кривых зеркал,
Где заведомо лжив амальгамный свод
И впитали фантомы пары отрав...
...Проведи меня в жизнь через чёрный ход
К многозвучью слов, многоцветью трав,
В многоликость дней,
многомерность снов,

Где смогу я в начале иных начал
Поменять незыблемость всех основ
На одно крыло с Твоего плеча.

АНАБИОЗ

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкой.
Что им твой анабиоз? —
Состояние покоя,
Что им мор и что им пир? —
На обоих не в обиде...
(Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит).

Мёртвой зоны полоса —
Не награда, не расплата.
Только скрипом — голоса
За чертою невозврата,
Это — реквием лихих
По затерянным и лишним...
(Если ты не слышишь их,
И они тебя не слышат).

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...
(Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет).

В ЧАС, КОГДА Я УМРУ...

Звуки и краски сна
Призрачны и легки:
То ли твоя струна
Звонче моей строки,
То ли моя строка
Тоньше твоей струны...

Небо несёт река
С Северной стороны.

И за один глоток
Чистой воды живой
Каждый заплатит в срок
Сердцем и головой.
Проданное за грош,
Время замедлит бег...

В час, когда ты умрёшь,
Я замолчу навек.

Будущей долгой тьмы
Прошлым не искупив,
В мире и порознь мы —
Звенья одной цепи,
Только замёрзших рук
Холодом не согреть...

В час, когда я умру,
Ты перестанешь петь.

ПО ОДНОМУ

И приходят тихо... по одному,
И глаза закатывают в тоске,
Да клянутся тем, что виной всему,
Да клянут Того, кто нигде, ни с кем.

То бессильной птицей идут на срыв,
То змеёй сжимаются для броска.
За спиной у них — гарпуны-багры,
За лицом у них — не лица оскал.

Им простые истины — звук пустой,
Им любовь и ненависть — суть одно.
Всё буравят душу кривым шестом,
Всё растят надежды нащупать дно.

То грозят бывшее пустить на слом,
То зовут на смерть к берегам другим.
И бросают камни-слова со злом,
И следят за тем, как идут круги.

Говорят, что в мире ты — только гость,
Говорят, ты — призрак в чужом доме,
И вбивают в веру контрольный гвоздь,
И уходят тихо... по одному.

В СЕРЫЙ ПЕПЕЛ, В БЕЛЫЙ СНЕГ

Заклинали бледной тьмой,
чёрным светом,
Били в бубны до зари, дули в горны,
Создавая, обживая планету,
Что была милее всех рукотворных.

Время медленной рекой уходило,
В мутном небе под ветров акапеллу
Раскалённое каталось светило.
Ослепляло, обжигало... не грело.

И на разных полюсах псевдомира,
Мы, души в своих твореньях не чая,
Иступлённо высекали Кумиров,
В высшей степени за них отвечая.

А случайное, за что не в ответе,
Что негаданно само приручилось,
Мы пытались обращать в снег и пепел.
В серый пепел, в белый снег...
...Получилось!!!

Когда единица равна миллиону

Ну почему? Почему осенью так хочется ныть и хныкать? Делать вид, что смиряешься с судьбой; ходить, по-стариковски шаркая ногами; пачкать в лужах снятую с антреселей сезонную обувь; забывать дома зонт; ворчать по утрам на пунктуальный будильник... Осень буквально провоцирует на такие чувства, мысли, поступки, которые в другое время года даже представить себе трудно!

И эта осень не исключение. Едва начавшись, она тут же наложила резолюцию «отказаться» на все чаяния и надежды, и классический шизоидный депрессняк уселся на подоконнике, по-хозяйски раздвигая тюлевые занавески.

И всё же... Этой осенью я не могу ему поддаться! Просто не имею права! Причиной чему один очень пожилой мужчина. Когда я раньше шутила, дескать, меня вдохновляют все представители мужского пола от 16 до 80, я не предполагала, что эти возрастные границы придется раздвинуть. Николаю Леонтьевичу – 91. И он именно мужчина, а не старик! До этого я знала только Владимира Зельдина, который в возрасте за 90 способен казаться не стариком. Но Зельдин – артист. Тут – другое.

Николай Леонтьевич Напалков рассказывал мне о войне, о том, что видел и пережил лично. Три дня примерно по три часа, итого девять часов общения. Не так уж и много, но этого оказалось достаточно, чтобы его рассказы стали частью моей жизни.

И вот в рядовую депрессивную осень вливаются звуки отдаленной канонады, запахи походной кухни... даже привкус разведенного спирта, выпитого на брудершafft с небритым лейтенантом, которого убьют раньше, чем успеешь узнать его имя. Судьбы, судьбы, судьбы людей, с которыми я никогда не встречалась; людей, для которых жизнь была не суетой сует, а ценностью! Больше, чем ценностью: бесценным даром, который так легко потерять и не когда-нибудь потом от старости и болезней, а прямо здесь и сейчас в расцвете молодости и здоровья...

«Под Кривым Рогом в районе Червоны Зирки... Красивое название, поэтичное; да только не до поэзии, когда от сапога одно голенище. Как идти дальше? Тут медсестре самой скоро будет нужна медицинская помощь! Да уж... Но повезло, нашли старичка сапожника. Посмотрел, покрутил в руках жалкие останки незамысловатой обувки.

- Ладно, к утру сделаю.

Весь полк одну сестричку ждать не может, ну да ничего, она налегке, да в починенных «черевичках», догонит. Договорились, где её ждать, попротаться не стали, совсем ведь ненадолго же.

Ночь прошла в походе, с обычными для этого дела заботами. Бомбёжки не было. Тихо. И из раненых никто не умер. Хорошая ночь, спокойная. Только утром нет нашей сестрички. Все сроки уже вышли. Ждали, сколько могли, даже чуть больше. И на следующей стоянке ждали, всё думали, вот-вот прибежит. О дезертирстве не могло быть и речи, слишком хорошо её знали, и, как говорится, не один пуд соли вместе съели, как родная уже всем стала. Что могло случиться? Ну что?

Об убитых иной раз не так горевали. Там хоть всё понятно. Стакан водки куском чёрного хлеба накроешь, и всё отчаяние в эту горючую жидкость, как в живую-мёртвую воду... и живую и мёртвую – в одном флаконе. Война есть война. А тут каждый день надежда. Вот-вот голос знакомый: «Наконец догнала! Со своими-то и воевать легче!» – и снова проворные пальцы начнут бинтовать раны, ласковыми прикосновениями облегчая боль, снова мягкий голос с простой и волнующей шуткой то к раненым, то к врачам; а когда падаешь от усталости, рука на плечо: «Пойди поспи, я сама тут...» Снова рядом она, надёжная и весёлая, и крепким словцом приложит, если надо, при ней не забалуешь, и папиросы неведомо где раздобудет, когда свои кончились.

Только нет её и нет... Нет, как и не было».

Но она была.

И встреча, такая долгожданная, мнящаяся радостной, состоялась. Вот только... радости в ней не было.

«Мы её встретили под Одессой. Под конвоем. Как военнопленную.

В залатанном сапоге с утра пораньше пошла за своими, да чуть в сторону взяла, сбилась с дороги, попала к немцам. В плен. А кто в плену был – тот, по партийной идеологии того времени, предатель. Как только из немецкого плена освободилась, так в другой – уже советский.

Просили мы её нам отдать, мол, наша она, ручаемся... Да разве же отдадут! Встретить-то встретили, да что толку!»

Николай Леонтьевич долго молчит, видимо вспоминая эту долгожданную, но безрадостную встречу, тербит пальцами край книги, на полях которой пометки, чтобы, когда я приду,

не забыть рассказать о чём-то, что сейчас живо только в его памяти. В книге-то общие факты: наступления, потери, названия полков и дивизий – так сказать, сведения исторического масштаба, а вот рваные сапоги... В учебник истории они не войдут. Да и решающего значения для обстановки на фронтах не представляют, но...

Случай... Что же такое «случай»? Только случай, если бросить монетку. Случай – уже обстоятельство, если он повлёт за собой событие. Случай – судьба, если от него, как от камня на развилке трёх дорог, расходятся пути... Даже в нашей, относительно мирной, жизни как часто всё могло бы пойти совсем по-другому, если бы не случай, не какая-нибудь мелочь. А уж на войне! Мелочи? Да что это вообще такое, если из них-то и складывается жизнь? Цепочка событий, нанизываясь, как бусы на нитку, приводит одного к богатству, другого – к позору, третьего – к смерти. Хорошо, когда можно понять причину, основу, подоплёку! Хорошо, потому что тогда возникает хотя бы иллюзия, что человек сам что-то решает; если не делает судьбу, то хоть как-то на неё влияет. А если вместо причины слепой случай, мелочь, простейшая вещь, например, порвавшийся сапог или не вовремя разведённый костёр?

Она была на фронте всего несколько дней, молодая фельдшерка, только-только получившая диплом. Ещё скучала по дому, никак не могла привыкнуть к походному быту, краснела от мужских грубых шуток, не успев превратиться из студенточки-выпускницы во фронтового медработника.

- Товарищ капитан! На ДОПе ни черта нету. – Старшина вернулся из дивизионного обменного пункта, где получали питание и боеприпасы.

- Так ты совсем ничего не привёз?

- Да привёз... муку и молоко...

- Вот т-те обед... муку молоком запивать или молоко мукой заедать?

Мужчины посмеиваются, но явно растерялись, а у неё бешено и радостно заколотилось сердце. Вот сейчас она по-настоящему сможет быть полезной. Это же просто... звёздный час! Как у медика, опыт у неё не бог весть какой, зато на кухне ей нет равных, мама всегда удивлялась, как ловко и вкусно у неё получается самое простое блюдо. Даже когда особо не из чего, как говорится, «суп из топора», и тот выйдет на славу.

- Так давайте я блинчики сделаю! – предложила на выдохе, боясь, что вдруг не разрешат.

Мужчины переглянулись. Почему бы и нет, блинчики-то куда вкуснее, чем мука с молоком. Повезло им с фельдшерцей! Сообразительная! Развели костёр... Только одного не учли: линия фронта по реке и немец на западном берегу, на высоком, ему далеко видно. А дымок от костра разве что слепой не заметит...

Блинов много, на всех хватит! Пенёк вместо стола, канистры – табуретки. Сели. Хорошо сели. ЕСТЬ начали...

- Ложись! – кричит капитан и с канистры на землю.

Это последнее, что она успела заметить: бросающийся наземь капитан, военврач Николай Напалков и блинчики, аппетитные, с пылу с жару, – блинчики на пенёке.

Снаряд разорвался прямо у неё за спиной. Через секунду капитан загатил её в окоп, сразу оценив тяжесть ранения, перебинтовал прямо поверх одежды. Старшина достал повозку, повёз в медсанбат. Только бы больше не бомбили, только бы успеть!

Вернулся к вечеру. По глазам было уже понятно, но всё же:

- Ну как? Довёз?..

- Довезти-то довёз, но что толку. На операционный стол только положили, тут и умерла... Испекла блинчиков...

Когда-то давно я очень удивилась фразе одного священника: «Если речь идёт о человеческой душе, то количество не имеет значения. Для Бога тысяча, миллион душ не больше и не меньше одной единственной!»

Я долго этого не понимала, ведь на первый взгляд абсолютный абсурд: как это миллион может равняться единице? Ну, ещё ноль – бесконечности, можно теоретически допустить, так как ни того, ни другого в полной мере человеческий разум не понимает, но один – миллиону? Потом я нашла близкую ассоциацию. Когда любишь человека (мужчину, ребёнка), никакие миллионы других, объективно лучших, его, одного единственного, не заменят! Но в любви закон обратный: единица больше миллиона. Тоже абсурд с точки зрения логики, но эмоционально понятно.

Слушая рассказы военного врача, я вспоминаю и начинаю осознавать по-новому фразу священника: ОДНА ЖИВАЯ ДУША НЕ БОЛЬШЕ, НО И НЕ МЕНЬШЕ МИЛЛИОНА!

Алёна Чубарова

Поэтесса, прозаик, режиссер, актриса, драматург. Художественный руководитель театра «КомедиантЪ», член МСП «Новый современник», член Московского Салона Литераторов.

Когда вопросов больше, чем ответов; когда сны объемнее реальности; когда всё придуманное вдруг оживает и становится судьбой, разве можно при этом не стать писателем или актрисой? А если и тем, и другим, да ещё и режиссёром... и при этом оставаться женщиной? Признаюсь честно – тяжело. Но этот выбор был сделан будто не мной, а если и мной, то задолго до рождения.

На сегодня издано шесть сборников стихов, пять сборников пьес, множество публикаций, спектаклей, выступлений... Но и сейчас, как много-много лет назад, когда впервые решилась прочесть написанное вслух, ощущение, что самого главного ещё не сказала! А может, Самое Главное и невозможно ни написать, ни поставить, ни сыграть?.. Главное всегда останется между строк; в слезах, скрытых за улыбкой; в слабости, спрятанной за уверенностью; в бесконечном «прости и помилуй», растворённом в светлых буднях. Люблю людей и тишину. Но людям не свойственно молчать, а тишине не хватает человечности... Наверное, поэтому в пьесах так люблю волшебное слово «пауза».

«Романтический герой» и несправедливость

В каждом романтике умирает циник.

В каждом цинике спит романтик.

Циник, прорвавшийся из романтика, - скептик.

Романтик, проснувшийся в цинике, - эпикуреец.

И тот, и другой Женщину по-своему любит, по-своему ненавидит, но некоторым образом может с ней взаимодействовать. И хотя один, скорее, исследователь, а другой – игрок, но помочь Женщине в её прекрасном мире на самом деле не так уж и сложно...

Что же касается «Героя», адресата большинства женских лирических стихов, то тип этот не столько помогает Женщине, сколько распяляет её воображение, становясь на время волшебным зеркалом, в котором она видит туманный образ своей мечты. А затем он исчезает, прячется, например, в свое однокомнатное бомбоубежище, оставляя зачарованную подругу у порога. С одной стороны, за её спиной разрываюся бомбы её собственных иллюзий, с другой – запертая дверь, за которой ей не только нет места, но для пущей убедительности крупными красными буквами написано: «Посторонним вход воспрещен! Обед! Учет! Выходной круглосуточно!»

И после всего этого типичный «романтический герой» ждёт, что Женщина, просясь от восторга, закричит, что именно этого она всю жизнь и ждала... Конечно, страсть Женщины к спасению утопающих безгранична! Особенно, если тонет мужчина не слишком преклонных лет, и не в каком-нибудь «море-окияне», а в недостатке эмоций! Тут Женщину хлебом не корми – дай совершить подвиг. Расчет ювелирный. Однако и целая спасательная команда не спасет того, кто спастись не хочет. Правда, и утонуть он тоже не хочет... Его вполне устраивает промежуточное состояние. Женщина же по природе своей стремится к завершенности и определенности: либо вместе ко дну, либо вместе на берег. В её Женском (прекрасном) мире оттого и прекрасно, что двусмысленность там всегда – действие, но никогда не результат. В Его же мире «Женщина» и «Смысл» – понятия вовсе не совместимые.

Таким образом, все, что Он знает о Женщине – слишком много для Него и слишком мало для Неё. Все, что Женщина знает о Нем, не воспринимается им как объективная реальность.

«Настоящая любовь» Его всегда «еще не посетила» и, видимо, никогда уже не посетит. Влюбленности же, как голодные собаки, хватают за ноги на каждом шагу.

А Женщина... Она в жизни такого героя находится где-то между влюбленностями и собаками.

Когда за Ней ухаживают другие мужчины, Она тут же вспоминает о Нем, предвкушая, как расскажет ему подробности, в надежде пробудить хотя бы ревность. Он же, встречаясь с другими женщинами, о Ней благополучно забывает. Зато вспоминает каждый вечер перед сном, когда, выбирая между футболом, эротическим детективом и теплой ванной, засыпает раньше, чем понимает неактуальность всех этих желаний.

Она видит Его во сне систематически, а то и постоянно. И если вдруг Он ей не снился, срочно звонит и требует встречи наяву. Он чаще всего спит без сновидений. Зато если такое вдруг случается, – это незабываемая ночь с молоденькой незнакомкой, а лучше сразу с двумя. После такой ночи, просыпаясь, он понимает, что встречаться с Ней в ближайшую неделю уже не стоит. Если бы он видел сны чаще, они бы не встречались вообще...

Однако...

Однако именно этот тип мужчины чаще всего заставляет Женщину страдать, писать стихи, совершать безумства и подвиги. Знает ли он заветную кнопку, тайную струну или подобрал волшебный ключик? Но нам так сложно противиться наваждению... Да-да, это несправедливо, это ужасно несправедливо, ибо есть другие мужчины, гораздо более достойные, заслуживающие любви, способные ее не только понять, но и принять, и даже на нее ответить. И за таких мужчин мы иногда выходим замуж, но стихи чаще пишем все-таки не им...

Мария Панфилова

Поэт, член Союза Литераторов России, Литературного клуба «Подвал №1» и Московского салона литераторов. Родилась в Москве в 1972 году. Окончила Московский математический техникум. Вышла замуж. Родила сына Николая. Окончила МГОПУ им. М. А. Шолохова, художественно-графический факультет. С 1999 года участвует в жизни Литературного клуба «Подвал №1». С 2008 года в Союзе литераторов России. Публикации в альманахе «Словесность», в газете «МОЛ». В 2010 году вышла книга стихов «Кистепёрая рыба Любавь».

**Пойдем по городу побродим.
Ненастный, сумеречный час.
Негромких уличных мелодий
Пополним золотой запас.**

**Ты мне чего-нибудь расскажешь –
Такая старая игра,
Когда значенье слов неважно...
Озноб. И страшная жара, –**

**Мы сквозь неё – до поворота...
И нас оставят, погода,
И ветра пьяная икота,
И расточительность дождя...**

**Эта – словно живая – мгла
Навалилась лиловой тушей
На ростки ледяного стекла
Под ногами по краю лужи.**

**Острие моего копья
Заржавелое и тупое...
С безнаказанностью Соловья
Я пою, воротаясь из боя.**

**Прощай, букет муската тонкий!
Кой черт опять меня несет?
Я душу заливал зеленкой,
Пускаясь в мартовский поход.**

**Не дальний темный полустанок
Меня сквозь пропасти манил –
Бумажный лес и спозаранок
Переливание чернил
Не из порожнего в пустое –
Из ниоткуда в никуда.
Тетрадка шевелит листвою.
Гори, гори, моя звезда!**

**От метро – пять минут.
И метель языком по лицу...
Я бреду бечевой, утопая
в сугробе-верлибре.**

**Молодой воробей,
как упитанный серый колибри,
Собирает нектар и сбивает
снежинок пылью...**

**Нынче Гайдн. Начало недели.
И слегка разбавляет мороз
Запах Ниццы в бетонном тоннеле
Над охапкой поблекших мимоз.**

**Запах бледный и нищий, и тонкий.
И надрывный скрипичный фальцет.
И смущающий взгляд Незнакомки
В этом, будто знакомом, лице...**

**Доверяя чутью,
Без дороги, без всякой тропинки,
По сухому ручью
Перекатывая песчинки,
Там, где мальчик играл,
И барашки под дудочку пылили,
Ветер к дому шагал,
Волоча по земле крылья...**

Мария Панфилова

* * *

На моем подоконнике корчились листья.
А на автоответчике кончились мысли.
А на автопогрузчике — сбруя и вожжи.
Весь тираж Домостроя
застрял на таможене.
Восхитительно пьян ветер
в синих погонах.
Он бодал, он гонял десять строк
по вагону.

Десять кликов.

На коврике серый мышонок.
Электрический пёс, по e-mail хорошо нам
Поделить костный мозг
и вспороть окончания,
Упиваясь до боли молчаньем.
Молчаньем.

Осень

За бездорожье и печаль в ответе,
Лежит Она, напившись тишины, —
Царевна мертвая в оранжевом жилете,
Застиранным к зиме до белизны.

* * *

Мы с тобою вместе испытали
Наслаждение наивысшей пробы:
Медленными мерили шагами
Сад почти растаявших сугробов.

* * *

В лунное чудесное лицо
Вечер преданно глядит арапом.
Джазовой тягучей хрипотцой
И разнежен он, и расцарапан...

* * *

Логика холодного луча
И преображается, и тает
В комнатах, где сонная печаль
О любви вполголоса читает.

* * *

Дворик в цвету вишнёвом,
Словно не городской.
Дворник в кафтане новом
Бродит, скребет метлой...

С невозмутимостью Будды,
С полуулыбкою рта.
А лепестки — повсюду.
А на душе — Пустота.

* * *

Томились в небе облака
Ломтями нежного бекона,
И — тут же ливень клокотал,
И град обгладывал балконы...

Нельзя сказать: “Стоял июль” —
Он время и пространство рушил.
Пустую песенку мою
Он наполнял вином из лужи.

Могу сказать: “Пишу стишки...”
Смешно. Да и неблагодарно.
Стрижи на проводах — флажки
На нитях в воздухе янтарном...

* * *

У полыньи, у края парка,
Ловлю на варежку свою
Зеленогрудую русалку.
Ловлю и песенку пою...

Великолепна и уныла,
Переливаясь надо мной,
Луна — белеющий обмылок
Или осколок слюдяной.

* * *

Прёт зелёная брага
На весеннем пиру.
Всё в порядке собака,
Хорошо, точка, вру.
Время знай себе лечит.
Колокольчик по ком?
Что молчишь, человек?
В горле ком...

* * *

Обнажит коготки календула,
Прах оранжевый откружит...
Календарное лето следует
Проводить где-нибудь в глуши,

Вдалеке от прелестных умников:
Кто мошенник, а кто фигляр...
Слышишь, мучает скрипку «уникум»,
Разложив на земле футляр.

У прохожих в глазах смятение.
Заметаёт мелочь песок...
Но дыра в груди не смертельная,
И портвейн на губах не обсох...

* * *

Счастья нет. Таков обычай.
Вот и дело к сентябрю.
Кто со дна подругу кличет?
Молча в воду посмотрю:
Мертвая или живая...
Озирая берега,
В небе тихо проплывает
Ангел моего врага...

* * *

На дне реки, на вечере реки
Русалочки гуляют косяки
И рыбины с латунными глазами.

А я одна на берегу стою,
Оплакивая молодость свою,
Как будто сирота всяя Казани...

На дне реки, на вечере реки
Закат всё тот же, те же рыбаки
Не знают мысли ни большой, ни мелкой.

Открыв коробочку “Любовный антидот”,
Русалка, угостив меня, кладёт
Жемчужную за щёку карамельку.

Ольга Уваркина

Родилась и живёт в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишет стихи различных жанров и короткие рассказы. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах.

Публикации: альманахи «75 лучших строк - выпуск 2», Рязань, 2005, «Венок Есенину - выпуск 4», Рязань, «Признание в любви», Рязань, 2006, «Мой Петербург» Рязань, 2006, «Вы нам не лгали», Рязань, «Неизвестная Россия» (№2, №4), Москва, 2006-2007; сборник рассказов «Сны на завтра», Рязань, 2006; «Золотой» и «Серебряный» поэтические сборники, Санкт-Петербург, 2008, 2010; сборники стихотворений «Однословный много-рифм» Москва-Торопец-Бремен, 2008, изд. «Арфа» - «Пульс-2», «Пульс-3», Москва, 2009, «Свыше нас свет посетил», Москва, 2010; газета «Школьник», изд. ООО «Издательско-творческий остров СЕМ-РИК», 2010.

На тексты некоторых стихов написаны песни для авторских альбомов.
Член МСП «Новый Современник», член Московского Салона Литераторов.

Из цикла «Потеря»

“По капельке, по горькому зёрну,
Птицею,
в мёртвом городе
зимующей,
Избываю сроком свою вину.
Биться ей —
Сколько с болью
проживу ещё...”

О чём мы спорили тогда,
До хрипоты, до срыва?...
Кивала крикам в такт Беда
С улыбкою ленивой...
В углу притихшая, какмышь,
С бесстрашьем аксакала,
Она считала свой барыш,
Предвидя боль финала...
Тот день был, помню, — выходной
(Да... Одному — на выход...),
И скрипнуло петлёй дверной
Проснувшееся Лихо...
Ты дверью хлопнул, уходя
В последний раз из дома
В объятья ветра и дождя,
Обидою влекомый...

Ревела музыка, как вой
Чертей из преисподней...

Ты был поранен, но... живой,
Такой, как я...
Сегодня...

* * *

Мир, накренившись,
вдруг располовинился,
сместив и сжав свои земные оси...
И нет тебя нигде, куда ни кинусь я,
не позвоёшь, окликнув, и не спросишь...

Повисло имя криком в невесомости...
Взорвался мост от Альфы до Омеги...
И замерли на миг земные скорости
И — световые — задохнулись в беге...

Всё, что до той минуты было значимо
В моей судьбе, я б отдала, не споря...
В уме неразрешимую задачу
Звенела боль вселенская в миноре...

И, испивая чашу горя досыта,
Осознавая смысл memento mori,
На ночь одну просила я у Господа
Отсрочить исполнение приговора...

Принять покорно сердцем
невозможное —
Непостижимо!
(Как не быть нам вместе?)...

Молила Бога выдать подорожную,
Ещё надеясь, что мой сын воскреснет...

Ожидание

Снова утро...
Свет неясный брезжит,
Переливом органзы
играя...
Я тебя люблю и вспоминаю
Каждую минуту
и - не реже...
Даже,
если
иней в окнах стынет
И рассвет —
не золотой черешней,
Всё равно — живу одной
надеждой...
Мне вовеки ожидать отныне...

Пусть
однажды
мир
перевернётся,
Время
и пространство
станут бездной...
Я во встречу нашу верю -
Честно...
Безрассудно...
и без лжеэмоций...
Лишь гора не сходится
с горою...
Отчего
в бессонной полуночи
Средь других
я голос твой,
сыночек,
Слышу очень явственно...
порою?..
Не зовёшь...
Хоть головой убейся...
Загулялся
До поры рассвета...
Так
душа твоя
блуждает
где-то
В перекрестье всех миров
и версий...
Ищущий и ждущий да —
обрящут...
Материнским сердцем свято верю...
Жаль —
недавно поменяла двери...
Ключ найдёшь...

открой почтовый ящик...

Моя Судьба

Разорвалась на тысячу осколков,
Искрясь стеклом гранёным, на лету...
Эх, жизнь моя, прожитая без толку!
Я бережно осколки подмету.
Темно и пусто. Фонари разбиты,
И тихо исчезают миражи...
Душа сочится раной открытой...
Жгутом, Господь, её перевяжи!
Мой крик и шёпот тонут в вязкой бездне.
Вердикт Судьбы — безжалостный палач.
Мгновение, замри и вновь — воскресни,
И линию судьбы переиначь!..
Опять назад, на дыбу иль на плаху,
Забыв себя в смертельном вираже...
Но... над крестами песнь щебечут птахи,
А души милых с Господом уже...
Не склеить, не сложить, начав сначала,
Но на коленях пагубно грешить.
Наверно, я Судьбе не всё сказала,
Коль теплится хоть часть моей души.
В пространстве задержалась ненароком,
Свечою одинокой на юру.
Глядит с небес всевидящее око,
Благословляя новый путь в миру...

Звезда своя

Что где судьбою уготовано,
Гадать не нам...
Есть бедолаги и фартовые,
А жизнь — война...
Она, порой, идёт незримою.
Кто в ней стратег -
Тебя назначит прачкой, прямою
И — для утех...
Клубок Фортуны тихо скатится
В земной предел.
На небесах рисуют матрицу
Для душ и тел...
Пари-твори, пока отпущено,
И не ропщи,
Когда темны мирские кущи, но
Надёжен шит...
Нам не постигнуть откровения,
Где Бог — судья.
Для бездаря, ловца и гения —
Звезда своя...

Дышит легендами звёздная даль

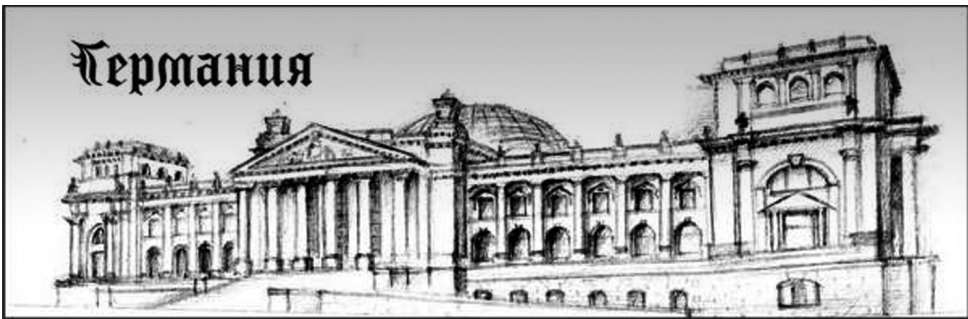
Дышит легендами звёздная даль...
Млечности вечной размыты границы...
Сказка жива, но не сыщешь следа
Милого с детства отважного принца,
И не найти изумрудный Грааль...

Каждой Луны возрождение — отсчёт
Новой ступени ... И время, как пряха...
Заяц в агатовой ступке толчёт
Там панацею от старости дряхлой
Тридцать веков... Сколько будет ещё?..

Грёзы о жизни нетленной земной...
Взглядом в небесную твердь упираясь,
Верю, за краем и там, где темно,
Двери сокрытые звёздного рая —
Жизни волшебной, манящей, иной...

Картина

Под сенью акаций, хранящих от зноя,
На столике с ножкой дубовой резною -
Фарфор с позолотой - цветочная гамма.
За чаем в саду две прелестные дамы...
С изысканной по моде пикантные шляпки,
В батистовой пене воланы и складки
Кокетливых платьев, достойных приёма
У лорда и графа, не то, чтобы дома...
Кулоны на шейках в разрезах перкали
Бликут на солнце лазурной эмалью,
И веер изящный французской работы
Порхает в руке, прикрывая зевоту
И негу томленья от жаркого полдня...
Столетье назад, но как будто... сегодня
Надушенный август в кануне Успенья...
И пахнет... Так пахнет вишнёвым
вареньем!..

ХАРАКТЕР

1

После школы мой одноклассник Костя Киприч стал работать спасателем, а недавно он получил за мужество орден. Когда Костя, уже награжденный, приезжал в школу на вечер выпускников, Анна Акимовна, наша бывшая классная руководительница и учитель по математике, обняла его, потрепала как маленького по рыжей лохматой шевелюре и сказала с улыбкой, что про Костин решительный характер знает очень давно, и что до сих пор хранит дома одну его замечательную контрольную работу по геометрии.

2

Только Костя принялся за решение первой задачки, как с ручкой что-то случилось. Она вдруг, ни с того, ни с сего, взбрыкнула и оставила на бумаге довольно приличную черную лужицу-кляксу. Костя крепко расстроился, стал разглядывать кляксу и вдруг увидел, что она просто ужасно похожа на флибустьерский корабль, несущийся стремительно вдаль под всеми распушенными черными парусами. Корабль в его воображении уходил все дальше и дальше, пока не стал напоминать темное предгрозовое облако, готовое вот-вот пролиться над морем оглушительным ливнем. А через мгновенье и вправду хлынул из черного облака, поражающий воображение, тропический дождь, оставляя повсюду мокрые кляксы, похожие на пиратские парусники, так что вскоре по морю плыла целая каперская флотилия.

В это время у кого-то что-то с грохотом рухнуло на пол, Костя очнулся, мотнул головой, посмотрел на часы над дверью и в ту же минуту отчетливо понял, что время ушло безвозвратно, и что уже не удастся решить ничего совершенно. А еще ему стало ясно, что завтра черная пиратская клякса непременно будет безжалостно атакована и уничтожена красной двоечной каравеллой Анны Акимовны.

Тогда, чтобы не дергаться понапрасну и не мучиться ожиданием и неизвестностью, Костя сам поставил внизу листа с кляксой большую аккуратную двойку, витиевато расписался, похоже на то, как это делала учительница, а внизу приписал: «Немедленно вызови родителей в школу!» После этого незадачливый, но принципиальный школяр отчего-то полностью успокоился и стал не спеша рисовать на злополучном листе море и небо, чтобы было где плавать дерзкому каперскому фрегату, и с чего литься ураганному тропическому дождю.

Александр КРАМЕР

Не бей ужа - солнце заплачет

Играющий на узкой отмели Мориц намотал на палец длинные желто-зеленые пряди речной травы. - Пап, чьи это волосы?

- Не волосы, а тина, - наставительно заметил я, провожая взглядом сонно дрейфующий по мелкой серебряной ряби поплавок. - Она выгорела на солнце. Сними сандалии, смотри, все мокрые. Высокие берега Саара сплошь поросли камышами и фиолетовыми ирисами, только в одном месте к реке спускался пологий песчаный пляж. Мориц возился с ведром и совочком, лепил из влажной массы большие мягкие куличики, а я растянулся на траве под горячим, пятнисто-бирюзовым небом, окутанный бледными облаками цветочной пыльцы и монотонным стрекотом кузнечиков. Бесполезная удочка валялась поодаль, придавленная камнем — чтобы течением не унесло.

Улов был, можно сказать, никакой. Мы с сыном торчали на берегу полдня, и до сих пор только одна рыбка бестолково слонялась из угла в угол наполненного водой целлофанового пакета. Пару раз начинало клевать, но как-то вяло. К тому же рыболов из меня никудышный, из Морица тем более, так что подсечь не удавалось.

Разомлев от жары и ослепленный ярким светом неба, я опустил ресницы и не заметил, как задремал. Очнулся, почувствовав, что малыш теребит меня за рукав футболки и что-то кричит прямо в ухо, безбожно мешая русский с немецким. Когда сын волновался, его становилось невозможно понять.

Я взглянул в сторону реки. Поплавок радостно танцевал на волнах, то полностью погружался, точно черноголовая уточка-нырок, то выскакивал на поверхность и снова тонул — что-то большое тянуло его вглубь.

Тут и подсечь не понадобилось, еще секунда и... Мориц даже вскрикнул от удивления. На берегу извивалась и била по земле чешуйчатым хвостом крошечная русалочка. Самая настоящая, только миниатюрная, не больше десяти сантиметров в длину. Рыболовный крючок проткнул ей горло.

Мы с Морицем присели на корточки и, ошеломленные, разглядывали ее, не решаясь дотронуться. Зеленые искорки глаз, замутненные болью, спутанные золотые волосы и точеная фигурка эльфа... но только до пояса. Дальше шел хвостик, короткий, нежно-перламутровый.

«Как ее угораздило насадиться на крючок? - недоумевал я. - Неужели хотела съесть червяка? Это всего лишь животное», - убеждал я себя.

Маленькое существо умирало у наших ног, дергаясь в конвульсиях и окропляя рыжий речной песок бледно-розовой кровью.

- Папа, кто это? - ребенок смотрел на несчастное создание потемневшими от ужаса глазами. - Ей больно?

- Это рыбка, Мориц! Да, ей больно. Она поранилась. Но мы сейчас отпустим ее обратно в воду, и там ее вылечат другие рыбки.

Что еще я мог сказать? И что можно было сделать? Я осторожно взял русалку в руки — ее кожа оказалась теплой на ощупь — перегрыз леску и, размахнувшись, зашвырнул обмякшее тельце подальше в реку. И поспешно отвернулся, стыдливо пряча глаза.

А потом мы выпустили из пакета малька - совсем еще мелкий, пускай подрастет - и пошли домой по блекло-желтой, в огненных пятнах цветов, степи. Мориц тихо всхлипывал и шмыгал носом, а я смотрел себе под ноги, чтобы, не дай Бог, не наступить на разбегавшихся во все стороны малахитовых ящерок. Мир неожиданно показался мне беззащитным и хрупким; захотелось взять его бережно и согреть, как цыпленка, в ладонях.

Я шел и размышлял о том, как все-таки глупо... и как по-человечески - столкнуться лицом к лицу с чудом и тут же его убить. Волшебство, оно такое уязвимое. Ему легко распороть горло обычным рыболовным крючком или растоптать его ненароком и даже не заметить. Куда нам в космос? Разобраться бы с тем, что у нас под ногами.

Джон МАВЕРИК

Где-то далеко

Забрав из ювелирной лавочки подшлифованные и заново обрамлённые алмазы, Леди तोпилась домой. Она жила в маленькой башенке старого дома, на крыше которого ветер играл с медным флюгером. Окна её квартирки чудесным образом выходили на все четыре стороны света.

Леди вспорхнула по деревянной лестнице, для приличия скрипнув предпоследней половицей, открыла резную тёмную дверь, сохранившуюся с незапамятных времён, сбросила туфли в прихожей и, не надевая тапочки, просто в чулках, вбежала в гостиную.

На круглом кленовом столике алмазы поджидал разложенный плащ. Тонкие пальцы искусно проделали нитку в ушко иглы. Леди чуть слышно напевала. Нитка ныряла в атлас, иголка подхватывала обрамление очередного камня. Замысловатый рисунок покрывал шелковистую ткань, ниспадающую складками на пол. Леди торопилась: ювелир слишком замешкался с работой. Вместо обещанных трёх дней он возился с оправой почти неделю. К счастью, последнее время почти не переставая шёл дождь. Оставалось лишь надеяться, что никто не заметил отсутствия камней на плаще.

Стемнело. Она подшила последний алмаз и расправила плащ, проверяя правильно ли расположены камни, накинула его на плечи и лёгкими шажками сбегала по лестнице...

И кто-то подумал этой ночью: «Наконец-то ясное небо! А звёзд вроде бы даже больше, чем обычно! Во всяком случае, сияют они, словно алмазы, только что отшлифованные ювелиром...»

Нелли СЛИВИНСКАЯ

Москва

Ожидание

Тоска.... Неясная. Необоснованная. Горячими волнами окатывает внутренности с постоянной периодичностью. «Ах, оставьте. Какая тоска? Это погода расшалилась. Магнитные бури, снегопад. Зима же – солнышка мало....»

Вот опять. Волна накроет и медленно откатывается назад, учащая сердцебиение. И с каждой волной усиливается нетерпение и растерянность. Нетерпение? Чего? Растерянность? Что же это такое? Рааз, дваа. Раз-два-три.... Пульсирует огнем протест, ускоряя дыхание. Гонит кровь сердце, усиливая недоумение и оседа я где-то в солнечном сплетении пониманием. Да это же.... Это ожидание....

...Беззаботные снежинки кружат в свете фонарей, доверив свою жизнь потоку ветра. Какая разница, над чем кружить и куда упасть. Важно лететь. Самим-то сложно. Почти несомые, вот и доверяются. И несет их по воле легкокрылого, куда придется. Они не торопятся никуда. Зачем? Их жизнь делиться на до... и после..., и измеряется расстоянием и температурой. Плавно или в вихре, ускоряясь или неторопливо, падает белый пух вниз и затихает, поблескивая серебром. Но сейчас, когда снежинки еще в воздухе, это неважно для них. Они во власти легкости и вседозволенности, которые дарит им ветер. Направляет их. И маленькие белые искорки кружат и кружат, медленно оседа я.

Но вдруг ветер на мгновение затих. И замерли в нерешительности и растерянности снежинки в воздухе. Замерли невесомые там, где их бросил ветер. Что случилось? Куда лететь? Что делать? Миг и ветер снова подхватил малюток и закружил их, даруя жизнь в прекрасном танце природы....

...Тоска, распространяясь, заползает в сердце, а оттуда проникает в мозг: «Что ж так плохо?» Это не плохо. Это крик, исходящий из глубины: «Пожалуйста, пускай скорее это случится!» Что случится? Да, что угодно. Звонок, событие, разговор, крик за окном... – что-нибудь, только чтобы почувствовать прикосновение ветра. Быть подхваченной и лететь в потоке судьбы. Куда угодно. Но лететь. Чувствовать себя живой. Доверившись своему ветру. Радуюсь свободному полету. И не важно – в вихре кружиться, или медленно вальсировать. Главное жить, а не ожидать. Лететь, а не стоять в тоскливой растерянности. Чувствовать ветер на своем лице. И радоваться нескромному желанию – восторгу. И удивляться настроению ветра. И ликовать от ненужности сопротивляться. И жить полной грудью. И желать всей душой....

Ирина АРТЮХИНА

Шестьдесят минут

Вот это да! Вот это эмоции! Такое волнение я не испытывала очень давно. Сердце в бешеном ритме бьется и рвется из груди. Где-то под коленками что-то дрожит, и унять эту дрожь сложно. Кажется, я иду на полусогнутых, неподвластных хозяйке ногам и «подтанцовываю» от этой дрожи. Вот, наверное, смешно выгляжу со стороны. А может мне только так кажется? Люди не смеются и не показывают пальцем мне вслед. Значит все в порядке. Просто чудное волнение сковывает тело. У меня есть средство успокоиться, но я не хочу сейчас этого делать. Такие чувства испытываешь крайне редко, и хочется насладиться еще немного таким восторгом. Восторгом от сильного волнения. Непередаваемые, сильные эмоции. И это все ты. И это все из-за тебя....

... Ты опять нуждаешься в моей помощи, а я снова бегу выручать тебя. Знаю, что дуриха. Знаю, что наступаю на одни и те же грабли, но иначе не могу. Это порыв. Это веление души. И противиться этому – свыше моих сил. Хорошо это или плохо – не берусь судить. Сейчас. Да и потом уже будет поздно. Чем обернется для тебя моя помощь? Для меня?

Нет. Не такая уж я хорошая на самом деле. Все намного сложнее, и в то же время необычайно просто. Я всегда знала, что если ты меня попросишь, я сделаю. Судьбы переплетаются, образуя события в жизни, которые дают осознание. Или создают последующие события. Только вот какие?

И не важно, что ты порой забываешь обо мне, а я увлекаюсь своим миром. Не важно, что у тебя своя жизнь, а у меня своя. Не важно, что столько время прошло после нашей последней встречи, а в промежутке между... «холодная война». Важно другое, что несмотря... мы встретимся сейчас. Видимо, мы уже не сможем жить без общения. Мы привыкли к тем эмоциям, что «дарим» друг другу в нашей переписке-перестрелке. Это тот интерес, который свел нас. И он еще не пропал. Потому что....

Только ты один способен подарить мне такое волнение и радость. Только ты можешь довести меня до безумного отчаяния. Ты один. Вот такой. Любят не за..., а вопреки. Ирония судьбы. За качества уважают, ценят, но не любят. Что поделаешь с тем, что ты не настолько хорош, как другие. Судьба вот так крутанула со мной и сказала: «Этот». И уже ничего не поделаешь. Пересеклись наши дорожки. Но я благодарна судьбе, что у меня есть ты. И в любви я, как в броне. Мне ничего не страшно в этой жизни с ней....

Так, теперь пора успокаиваться. Остается совсем немного времени до встречи. Не хочу, чтобы ты видел мое волнение. Гордость? Нет. Заикаюсь и дрожать, теряясь и теряя мысли – не хорошо. Нужно многое тебе сказать, о многом поговорить, а времени совсем мало. Час прогулки. Шестьдесят минут. Это и много, и мало. Но эти минуты наши....

Итак, мое проверенное средство – наушники в уши и музыка на полную.... Через несколько минут я обрету свое спокойствие и стану собой. Волнение, хотя и очень, очень восторженное, придется унять. Ничего, думаю, что я еще не раз испытаю его....

Ну, вот и ты. Как обычно серьезен и неулыбчив. Знаю, ты, как и я, чувствуешь неловкость, но не показываешь вида. И я не кидаюсь тебе на шею. Встречаю тебя совершенно спокойно и показываю свою радость только искренней улыбкой.

Задаю закономерный вопрос:

-Что случилось?

И понеслись, закружили нас минуты, отведенные судьбой на встречу. Этот час вместил в себя целый год нашего необщения. Перебивая, мы говорили, говорили и говорили....

...Не было сожаления от прощания. Не было бурных сцен, слез, обещаний. Но.... Это стало началом нового. Еще не понятого нами, но чего-то нового в понимании, в отношении. Пусть будет так, как будет. И если тебе снова потребуется моя помощь, позови....

Ирина АРТЮХИНА

Зоя Завадовская

Я верю, что стихи даются свыше...

**Я верю, что стихи даются свыше,
Я верю, что не нам о них судить.
Не всем дано понять или услышать
И уловить божественную нить.**

**Не всем дано, без усталости и лени,
Перебирая жизненный рюкзак,
Из миллионов звуков и явлений
Вдруг выделить один небесный знак.**

**От первых строк и до последних точек,
Распятый в типографских алтарях,
Поэт всегда — всего лишь переводчик
С тех языков, что нету в словарях.**

ПИСЬМО

**По легкому движению души,
По тихому дыханию пространства
Угадывать былое не спеши:
Любой ответ — как символ постоянства.
Слова и отголоски чьих-то фраз
Вдруг сложатся в мелодию сонета.
Та ниточка, что связывает нас,
Тонка, как паутинка Интернета.
В слепом круговороте наших дней
Споткнулось сердце о крупинку счастья,
И ниточка становится сильней,
Связуя душ разорванные части...**

ПРЕДЧУВСТВИЕ

**Непонятное, дремучее
В сердце рвется вдохновение —
То ли горе неминуемое,
То ли счастья дуновение.
И от этого предчувствия
Мне не спится и не дышится.
То с ума схожу от грусти я,
То мне смех веселый слышится.
И смешное, и безбожное,
И немного сумасшедшее,
И грядущее тревожное,
И туманное прошедшее.**